

ДВА ТРОНА ПРОТИВ
НАШИХ ЧУВСТВ.

18+

К. Велесмайская

МИРАЖИ ЭМИРА

К. Велесмайская

Миражи эмира

<https://litres.ru/74017808>

SelfPub; 2026

Аннотация

-Перед вами романтическое восточное фэнтези в стиле Великолепного Века-

Спокойный, но несчастный брак.

Родной, но увядающий город на краю пустыни.

Сердце Киары жаждет новых знаний, мест, чувств, но буря бушует лишь за окном.

Пока... Два королевства не решают прекратить войну.

Мужу Киары выпадает великая честь — отвезти иноземную принцессу-невесту в столицу к эмиру. Однако мечты о новой яркой жизни рушатся, когда Киара застаёт принцессу в своих покоях.

В страхе Киара отправляется в сераль, чтобы спасти семью.

Ей предстоит сохранить перемирие, не раскрыть свои секреты и выжить в мире дворцовых интриг, где прежние иллюзии тают, уступая запретным желаниям.

Содержание

Предисловие	4
Пролог	5
Глава 1: Соседи	11
Глава 2: Принцесса	31
Глава 3: «Мама?!»	47
Глава 4: Рогатый город	68
Глава 5: Человек в маске	89
Глава 6: Худая девочка и капуста	104
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Миражи эмира

Предисловие

В Зарийской империи нет ничего опаснее трёх вещей: мужчины, ставшего рабом иблиса — джинна-пожирателя; женщины, ослеплённой самолюбованием; и смерти владыки-эмира, восседающего на обгоревшем троне. Ибо его воля — это воля бога, на чьей могиле он правил.

Пролог

Чтобы отдохнуть в тишине и покое, я заперла мужа в погребу якобы случайно. Одно из лучших решений за день.

На закате, когда дюны остывали после дневного зноя, влекло подышать северным ветром. Прохлада, напитанная запахом прелых листьев, сумаха, тмина и подпалённого сатина, лучше всего ощущалась на высоте. Я поднялась на верхнюю террасу, чтобы снова пожелать спокойной ночи Пер-Вилону, городу, что с каждым годом утопал в пыльных бурях или в крови — как повезёт. Живя на границе с враждующим государством, каждый день начинался с утренней молитвы или со страстных объятий в дыму курильниц. Ни того, ни другого я не имела. К богам мне взывать запрещено, а брак... По крайней мере, сейчас мы не ругались так часто, как раньше.

Под ногами путался подол халата, и я сбросила его, оставшись в одной расшитой узорами ночнушке. От лёгкого дуновения плечи, усыпанные родинками, покрылись мурашками, и я шумно выдохнула, облокотившись на балюстраду. С неё посыпалась мелкая крошка. Вспомнилась дыра в крыше, которую я нашла утром, но никому не сказала. Этот дом разваливался, ломался и ветшал быстрее, чем старела моя семья. Плохо. Даже неприлично для титулованного господина, моего благоверного, наместника Пер-Вилона, который еле сво-

дил концы с концами после очередного набега амаринцев. Что же творилось сейчас в городе? Может, не зря я туда не хожу? Заташат в переулок, разобьют нос и попросят выкуп у почти обедневшего господина. Вот будет умора, если меня откажутся выкупать!

Нет, будет ещё смешнее, если я предпочту остаться с похитителями.

Рядом мелькнула тень. Не поворачиваясь, я заявила:

— Если нас заметёт, тебя, может, ещё поищут. Приедет тётка Зехра, вся заплывшая, и своими огромными веерами достанет любимого племянничка. А завидев мою торчащую руку в песке, плюнет и поблагодарит богов за оказанную услугу.

— Господи, Ки, как ты не устаёшь миражировать мне голову, я поражаюсь. А, в погребке дверь сломалась, осторожнее, — ответил муж, зевая. — Я и забыл, что этот час перед сном — время нытья нашей дорогой госпожи. Молодец, что нашла себе занятие.

— Спасибо. Ты всегда меня поддерживаешь. Особенно ценно, когда ты делаешь это издалека. — В известняковых жилищах неподалёку загорелись узенькие окна. Пер-Вилон мал, тих и почти утонул в нищете. — Ты послал людей к Шамалу? Его сады грабят уже вторую ночь. Смотри, какое спокойное небо... Беднягу снова навестят.

— Были дела поважнее. Если ты не заметила, то я всю неделю в разъездах.

— То-то спокойнее стало, — улыбнулась я, вспоминая, как часами валялась в купели, пока вода не остыла, а кожа на пальцах не сморщилась до состояния кураги. — Видела я эти дела. Вон, стоят в трапезной и воняют. Восемь кувшинов? Девять? Сколько в этот раз выклянчил?

Цокнув, муж потянулся к моей шее и изобразил удушение. Да пожалуйста. Задержала на нём взгляд дольше положенного: небрежно отросшая бородка, опухшие щёки и игривый румянец, прилипший даже ко лбу — значит, опять весь день пил.

Джан раздражал меня во всём, но оставался единственным по-настоящему близким человеком, которому я была благодарна. На дух не выношу его мелкие кудряшки цвета козьей лепёшки, но всегда люблюсь этими пронзительными медовыми глазами. За семь лет брака он так и не помог мне стать статной госпожой. Часто пил и менял встречи на вечер с нардами. Ему ничего не стоило отмахнуться от прошений горожан, в очередной раз отшутившись, будто письма унесла пыльная буря. Он не замечал мою давнюю тоску, не донимал расспросами и даже почти не отбивался от моих редких нападков. Благородно не лез в голову, позволяя и дальше ничего не хотеть.

— Джан, отправь людей в сады, — вновь попросила я, замерев от внезапного касания. Нежная ладонь с сальной кожей гладила спину и спускалась ниже. Я чуть не скривилась в разочаровании. Такие руки у наместника целого, пускай и

небольшого, города — пробуждали во мне уснувшего борца. Они нежны! Руки мужчины, наделённого великим даром, нежны! Когда Джан последний раз держал в руках оружие? Когда бросался на защиту своих горожан? Неприлично давно его ладони не светились золотом. — Джан, слышишь? Благодаря этим чёртовым бананам ты ещё можешь напиваться! Или опять будешь писать в столицу извинительные поэмы?

— Ладно, не зуди только. Сними одежду, боже, быстрее. Тебе надо расслабиться, колючка.

При каждой близости с мужем я закрывала глаза и представляла Сизые водопады Орвимара, о которых рассказывали торговцы, выкладывающие второсортные шелка на рыночные прилавки. Наше захолустье довольствовалось объедками, несвежими сплетнями, которые перевирали на каждом рынке по пути в Пер-Вилон. Я всегда фантазировала о больших городах, высоких домах и дворцах, которые посягали на небесные просторы по желанию настоящих господ.

«Настоящих...» — это слово я прокручивала, пока муж стаскивал ночнушку, и затем хозяйничал руками мужчины, который давно позабыл о своей врождённой силе. Маг, который не пользуется магией из-за лени — не может возбуждать женщину. Но я никогда в этом не признаюсь, потому что всё ещё ценю Джана за протекающую крышу над головой и какой-никакой покой.

Он сминал мою «кордию», шлёпал её и чего-то там ко-

вырял пальцами, пыхтя на ухо, как сонный хряк. Кордиями называли женские прелести в наших краях в честь цветка с янтарными бутонами: их листья были покрыты мелкими волосками, придающими им грубую «наждачную» ворсистость. Считалось, что «бутон» любящей женщины раскрывается в нужных ладонях и дарит невероятное удовольствие. Нежеланная связь, наоборот, ранит. Наверное, моя кордия могла бы отрастить зубы и сцапать любого с косым взглядом, но... Всё моё женское обаяние потухло, а вместе с этим зачах и цветок.

Первая госпожа Пер-Вилона не грезила о чужих прикосновениях, не трогала себя и не чувствовала жара внизу. Это моя тайна, с которой я уйду душой за горизонт. Хорошо, что Джан...

— Ки, да, сжимай своего господина! — неуклюжими толчками Джан вбивался в меня, облизывая мочку уха. — Знаешь, когда я беру тебя на балконе... Ха, чувствую себя королём мира!

— Ага, будь здоров, — зевнула. Интересно, будут ли дожди в этом месяце?

Я облокотилась на трухлявые перила, пряча кокетливо вывалившуюся грудь за растрёпанными волосами. Захотелось пролежать в купели всю ночь.

Внизу кто-то пошевелился.

Служанка по имени Лейла. О её острый взгляд я резалась постоянно: она меня на дух не выносила, и даже сейчас кри-

вилась, закатывая глаза. В любом другом доме госпожа могла бы взять плеть и наказать грубиянку, которая смела вести себя неподобающе. Мало того, Лейла постоянно вилась рядом с Джаном, делала ему массажи, намазывалась маслами... Но муж слишком глуп, чтобы понять намёки.

Я подмигнула ей, и Лейла сразу отвернулась, внимательно разглядывая старую телегу, гнившую рядом с перекошенным забором. Мне нравилась наша игра в «ненависть и послушание», словесные перепалки, и то, как служанка не жалела специй в мой суп.

Этой ночью Джан не послал охрану в сады Шамала. Ранним утром ограбленный садовод вывалил у нашего дома кучу подгнивших фруктов, крича, что это первый и последний сбор для наместника в этом месяце. И пока Джан махал от возмущения незаполненными бумажками и ругался с Шамалом, я всё ещё грезилась о белокаменных дворцах столицы, которых никогда не видела. Сегодня мне представилось, что на каждом куполе сидят бронзовые обезьяны с крыльями. Может быть, завтра они смогут взлететь.

Глава 1: Соседи

Бегом на прогулку! Сегодня мне наконец разрешили пойти в город. Как назло — одеяния смотрелись неказисто, будто недоспелую грушу нарядили в цветастую салфетку. Осталось только кинуть её, то есть меня, на улицу и ждать, когда прибегут всеядные лысянки.

Затворничество принесло плоды — оливковая кожа не загорела, да и новых морщинок не прибавилось за сезон Солнцепёка. Только волосы напоминали выгоревший на солнце веник из сухих прутьев, но это можно скрыть. Натянуто улыбнувшись в заляпанный поднос, я повертелась с плетёной корзиной из веток финиковой пальмы.

— Ки, когда выкинешь это уродство? — Джан развалился на ковре, подгребая под себя подушки.

— Милый, ты и ночи в отходной яме не продержишься, — шёпотом ворчала я. — Между прочим, я её несколько дней плела.

— Не устала плести? Корзины свои кривые, мою голову... Паучиха, а не женщина.

Закипая от обиды, я крепче сжала ручку корзины и медленно развернулась к мужу, который уже всю поедал виноград с проворных рученок Лейлы. Служанка, не будь дурочкой, сразу прильнула к чужому уху, чтобы я услышала:

— Паучихи часто едят своих самцов.

— Потому что бабы, — кивнул Джан. — Ненасытные хищницы.

Не представляю, что может быть бесполезнее, чем общаться с глухим, повернувшись к нему спиной. Я потуже запрясалась тёмно-синей абайей¹, проверила шейлу² и сразу скрыла нижнюю часть лица, чтобы лишний раз не привлекать внимание. Мир воистину несправедлив: господам воспрещалось красоваться тем, чем наградила природа, а слуги могли изгибаться перед хозяевами, как змеюки, лишь бы получить желанный взгляд своего господина. Временами хотелось насадить Лейлу на ветку и пожарить её на костре. Но Джан обожал эту ослицу, шептался с ней. Иногда казалось, что он уважал её сильнее, чем меня. Самое отвратительное — подыгрывать ему, улыбаться и запираться в мастерской. Так я и повадилась складывать свои обиды в сплетённые корзины.

Хохоча на очередную скользкую шутку, Джан подмигнул Лейле, и та расплылась в поклонах, чтобы аромат новых масел дошёл до нужного носа. Мужу нравилось жить в своём маленьком мире, в котором он видел королевство. Королевство в разваливающемся доме его несносной тётки, ругающей меня за пыль в углах, трещины в стенах и котов-вреди-

¹ Длинное традиционное женское платье с рукавами. Замужние женщины Первилона обязаны его подпоясывать.

² Длинный прямоугольный кусок ткани. Его оборачивают вокруг головы, укладывая складками по плечам.

телей, разоряющих наш курятник.

— У тебя час! Не смей опаздывать! — вдогонку крикнул Джан.

Утренний Пер-Вилон напоминал урчащий живот, который нуждался в стакане прохладной воды. Булькал и звенел кувшинами, шипел кострами и банями, гремел испачканной глиняной посудой о столы, шептал развешанными тюлями, изредка выглядывающими из домов по воле сквозняков. Повозки скрипели, а верблюды всё мычали, тряся дряблыми горбами над кошельками жителей. Утром пахло свежими лепёшками, специями с рынка и благовониями, зацепившись за рясу адептов, выходящих на шествие до Пограничных холмов из нашего единственного храма, куда мне было запрещено приходить без сопровождения мужа. Однажды Джан позвал меня с собой, потому что его мать умерла, но молиться мне нельзя. Каждый день я смотрела на вытянутый купол храма и размышляла: «Неужели обращение обычной женщины к богам оскорбит небеса? Почему мой шёпот был опаснее грубого ора господ, аристократов-магов?»

Вот бы знать больше. О богах и легендах, которые они породили. Почему храмы стремятся ввысь, а не разрастаются по земле? Откуда появилось золото в песке и как оно стало магией? Что чувствуют адепты Шан-Ора, когда колдуют?

— Тётя!

Незнакомый мальчишка лет десяти аккуратно дёрнул за подол платья. Весь покрасневшийся, он тяжело дышал и тя-

нул ко мне грязную ладошку:

— Тётя, подайте! Одну монетку хоть. Пожалуйста, тётя! Умираю с голоду! Дядька Калжир бьёт палками, не даёт хлебушка!

Попрошайка с мольбой в глазах вскочил с рогожи, что служила ему постелью. Личико круглое, а нос большой и острый, как у нашего дефтердара, главного казначея. Зная дурную славу Авраама, думаю, это один из его брошенных бастардов.

— Одну дам просто так, а вторую... — лукаво предложила я, потрепав бесёнка по волосам. Пальцы сразу испачкались в пыли. — Если скажешь, кто утром привёз самые свежие и вкусные фрукты. Хочется бананов.

— Легко, тётъ, наклонитесь! Дядька Калжир всё знает, я сплю у его прилавка, подслушиваю. На рассвете приехали мужики... — обветренные губы шептали купленную правду. Мальчишка, преисполненный важности, покачался на пятках и уверенно махнул рукой на запад, в сторону красного переулка. За ним обычно шныряли бродячие. Да и стражников осталось немного, так что лишний раз в одиночку туда не совались.

Бастард согласился проводить меня. В невзрачных одеждах никто не узнавал госпожу Пер-Вилона. Отлично. Видя глупость Джана каждый день, его наплевательское отношение к службе и лень, я боялась, что жители захотят отыгаться на мне. Сейчас город переживал упадок: королевство Амария любила играть с границами, как коты с клубками ниток. Сволочи не просто устраивали набеги, а издевались над нами. В прошлом месяце повесили двух стражников, отре-

зав им уши. Значит, бедолаги подслушали или узнали что-то секретное, вот и поплатились. Одно радует — набегали ночью, и стража прогоняла их до прихода воинов Джана. Знали бы все, как наместник ночами пил вместе со стражей и позволял им лапать своих слуг — сбежали бы на север, в Лакуум, где правил его двоюродный дядька. Старик извращён, сношается почти со всем, что движется, но гвардия у него крепкая.

Мы остановились. Я попрощалась с бездомным, с тоской взглянув на его покрасневшие язвы. Нельзя забывать, что пески Зарийской империи жалят, жрут плоть и распыляют частицы магии повсюду, рая обычных людей.

— Стой! — крикнула я.

— Тётя?

— Закрывай спину. Вот, возьми.

Сняв с пояса лёгкую накидку, я обернула её вокруг мальчика в два слоя — настолько худым он оказался. Внутри всё клокотало от его взгляда, полного удивления и надежды продержаться ещё несколько ночей на тряпке у табачной лавки. Вижу, как он боялся: вдруг передумаю и отниму подарок? Тогда я улыбнулась: «Вернёшь, когда найдёшь себе дом», что значило — никогда.

Я ещё долго стояла на месте, не обращая внимания на вереницы людей, рокот зазывал и сухие пыхтения верблюдов. Сердце никогда не оставалось равнодушным к уличным сиротам, ведь они напоминали мне...

Нет. Хватит. Зарийские земли жалили не только песком, но и воспоминаниями. Моя кожа слишком мягка, вот и оставалось прятаться: дома или в коконе из одежды. Неважно, я слабая. А слабым ни к чему лишние тяготы, правда же?

Фруктовая палатка нашлась на углу: её сразу облепили местные, лапая сочные плоды. На секунду я заглянула в переулок, куда не ступала много лет. Там, в светло-розовом свечении фонарей, поскрипывала красная дверь. Клянусь, сейчас я слышала оттуда призрачный шёпот, чьи-то смешки и стоны, утопающие в стуке посуды.

— Ай, шельма! Ну не стойте, если не хотите покупать! — обратились ко мне сбоку. Торговец возмущённо постучал по дереву и махнул, мол, проваливай поскорее.

— Раньше вас здесь не видела. — Впрочем, и саму госпожу в этих краях не знали. Редкие прогулки ограничивались центральной площадью или, в крайнем случае, заброшенным фонтаном — нынешним логовом лысянок. — Дайте один банан.

— С ящика или моих из штанов? — хохотнул мужчина. — Клянусь задницей Златогривого, мой урожай такой же упругий и вкусный. Глазки у тебя красивые, шельма. Угощайся.

— Спасибо.

Как я и предполагала, банан оказался спелым, почти перезревшим, но сохранившим ту благородную плотность, за которую ценят наши южные сорта. Кожура, усыпанная мелкими коричневыми крапинками — верный признак того,

что сахар внутри уже превратился в нектар, — поддалась с влажным треском. Стоило обнажить кремовую мякоть, как в нос ударил густой аромат ванили. Первый кусочек буквально растаял на языке, оставляя маслянистое послевкусие, которое можно было катать во рту как шарик.

Вкуснотища! Пока я медленно жевала, торговец ввязался в шумную перепалку с какой-то девчонкой, воровато тянувшей к связке инжира.

— Не поворачивайся. Жуй дальше, девочка. Веди себя обычно, — раздался у моего уха хриплый голос.

Я невольно вздрогнула, и банан встал в горле, вмиг утратив всю нежность. Рядом с прилавком стояла женщина, чей возраст — загадка под слоями тканей цвета спелого граната. Её плечи были густо расшиты золотой канителью, не хуже, чем у дорогой брони, расписанной кузнецами из столицы. Тонкие запястья облепили многочисленные браслеты, каждый из которых переплетала едва заметная нить с узелком.

И запах... его я никогда ни с чем не перепутаю! Горький миндаль и жжёная мирра — аромат, который намертво въедается в кожу тех, кто проводит дни за плотными занавесями, скрывающими солнце. Тоскливыми вечерами я вспоминала те дни, когда дышала этим запахом рядом с хозяйкой Самирой.

Я покосилась в её сторону, чувствуя, как в груди поднялся трепет. Самира часто глядела с мудростью, но и постоянной тоской. Мы держались за один фрукт: кончики её

пальцев, выкрашенные хной, и мои — в ссадинах от пальмовых веток. Лишь одно маленькое прикосновение. Наша тайна.

— Сразу тебя узнала, девочка. Глаза ещё не сожрал воюющий дым зарков. Муженёк прячет тебя ото всех. Подойти ближе я не смогла.

— Самира... — еле выговорила я, равнодушно уставившись на сливы. — Ты здесь! Я не надеялась!..

— Правильно. Надежды дурманят голову и мешают здраво мыслить. Не питая иллюзий.

— Твои уроки я никогда не забуду. Иллюзии не пугают, когда живёшь в них.

Она поправила край прозрачного платка, расшитого бисером, и я заметила на её шее крошечную татуировку — кордию с опущенными лепестками, знак тех, чьё гостеприимство часто покупалось золотом, но всегда осуждалось гостями. Один разговор с Самирой мог опозорить всю мою семью.

— До нас дошли ужасные слухи. Амария хочет расширить земли, и ночными проказами они не обойдутся. Предупреди наместника. На границах беспокойно, а наш прокажённый город манит вражескую саблю.

Затем она помолчала, словно собираясь с духом, и я с волнением прищурилась — что за важную новость хочет сообщить мне Самира, рискуя телом? Беседа с госпожой Пер-Вилона могла привести к тому, что ей отрубят палец или даже кисть. Пришлось отойти подальше, когда торговец бросил на

нас быстрый взгляд.

— Девочка, крепись... Наш эмир скончался, — Самира схватила меня за край абайи, притягивая к себе.

От услышанного я выронила корзину, в которую собирала фрукты. В суматохе мы обе наклонились вниз.

— Скоро его наследник сядет на Чернёный трон. Одна моя младшая вся в ожогах лежит уже вторые сутки за эту правду.

— Не может быть! — не выдержала я, с силой швыряя сливу в корзину. — Джану не сообщали!

— Послушай меня, — Самира схватила мои трясущиеся руки, сжав. — Чего дрожишь? Дыши. Если тайна вступила на земли Пер-Вилона, значит, Амария услышала её шаги. Иди к мужу и собирайтесь в Лукуум. Поняла?

— Я не... Как?

— Память пылью покрылась? Вспомни себя семь лет назад! Торопись! Сожрут нас, девочка, если не саблей, то кое-чем похуже. Амария ненавидит зарков.

Пальцы дрожали так сильно, что одна из слив выскользнула.

Эмир мёртв.

В нашей стране правители не умирали спокойно, окружённые ветвями шепчущей ивы. Их души растворялись в песках только с каплями первой крови. Эмир умирал, и все стервятники, годами кружившие над границами, разом опускали крылья, готовясь к пиршеству. Если Самира говорила

правду и смерть скрывали, значит, в столице сейчас творился невообразимый ужас.

Но здесь, на окраине, мы первые пострадаем от этой тайны. Амаринцы только и ждут, когда железный коготь империи ослабнет.

«Нужно бежать», — билось в висках. — «Собрать Джана, слуг, сбережения. Уходить вглубь страны, в Лакуум, пока они...»

— Самира, а ты... — хотела спросить, уедет ли она со мной из города.

Самира исчезла. Всё осталось прежним: торги, чей-то недовольный голос, розовый фонарь медленно качался в переулке с красной дверью, и только запах жжёной мирры, едва уловимый, подтверждал, что мне не почудилось наше откровение. Правда же?..

Спина выпрямилась сама собой, вытесняя страх. Дрожать от страха — недопустимая роскошь. Сначала нужно вернуться к Джану.

Торговец всё не сводил с меня глаз, ожидая оплаты и криво ухмыляясь. Он облизнул уголки губ, подавая непристойный намёк, и внутри щёлкнула тихая злоба, которая быстро вывела меня из оцепенения.

Бросив монету, я быстрым шагом направилась к местному стражнику. Тот стоял чуть поодаль, у лавки охотника, увлечённо что-то нашёптывая пышнотелой красотке в полупрозрачной вуали.

— Господин, — я прерывала их воркование.

Янычар лениво обернулся:

— Не мешайте нести патруль.

— Несите ваш патруль вон туда, — я указала пальцем на торговца фруктами. — Этот человек — вор и, скорее всего, пособник клана разбойников. Вы ели его бананы?

Мужчина нахмурился.

— Товар как товар. Чего пристали?

— Это сорт с ванильным ароматом, — я подошла ближе, не давая ему опомниться. — Такие растут только в садах Шамала. А сады семьи Ашур, как вам должно быть известно, разграбили подчистую совсем недавно. Магия их рода веками питала самую плодovitую землю Пер-Вилона, этот вкус и запах невозможно спутать ни с чем. Или вы хотите сказать, что тот оборванец — дальний родственник семьи Ашур? Потерянный брат, стало быть?

Стражник посмотрел на меня, как на диковинную зверушку на рынке. Я понизила голос до вкрадчивого шёпота:

— Пока вы здесь развлекаетесь, враги империи едят наши фрукты и смеются над вашей слепотой.

— Ты... ты кто такая, чтобы учить меня службе? — буркнул стражник, провожая уходящую собеседницу расстроенным взглядом.

— Госпожа этого города, жена господина Джана, — отчеканила я, выпрямив спину. — Если через минуту этот вор не будет в кандалах, я лично прослежу, чтобы завтра вы от-

правились охранять соляные копи в самой безводной части пустыни.

Поначалу вояка недоверчиво оглядел мой невзрачный наряд и пустую талию без пояса — знака замужней знати. Но стоило откинуть шейлу, как сомнения улетучились. Побледнев, стражник вытянулся в струнку и, выдав короткое «Слушаюсь, госпожа Киара!», почти бегом бросился к прилавку.

Повезло. Еле продержалась! Сердце металось в сладкой победе, но ещё было взволновано новостями от Самиры. Нужно домой. Скорее. Я уже развернулась, чтобы скрыться в лабиринте узких улочек, как вдруг их заполонил протяжный вой. Леденящий душу каждого, кто родился в наших краях.

Возглас шофара³ я слышала по ночам, но никак не днём. Долгий, тягучий... Звучание глубокое и устрашающее — все горожане прекратили суетиться и вгляделись в сторону сторожевой башни.

«Пыльная буря?» — подумалось, прежде чем ветер донёс отдалённые крики. — «Умоляю, лишь бы пыльная буря...»

С восточной стороны раздался топот. Десятки копыт вгрызались в сухой песок. Приближались!

— Амаринцы! — закричал кто-то из окна. — Амаринцы в городе!

Невозможно! Они всегда нападали ночью, осторожно прощупывая оборону. Джан называл их крысами, пока сам

³ Религиозно-просветительское и учебное заведение второй ступени (после начальной школы).

вёл себя как мышь, но сейчас, в ярком свете солнца, они понеслись на город подобно пожару.

Всадники в красных тюрбанах ворвались на площадь. Изогнутые сабли вспыхивали на солнце, и с каждым убитым — сталь получала алую метку. Жители пытались сопротивляться, бросаясь в бой с ножами, глиняными горшками, даже кидали мешки с солью, но первая линия мужчин просто исчезла под копытами. Амаринцы сносили защитников ударами с плеча, не оставляя шанса даже коснуться оружия.

— Женщин — в сёдла! — гремел чей-то гортанный голос. — Остальных режьте!

Ад обрушился на Пер-Вилон. Улицы, ещё минуту назад жившие своей кипящей жизнью, превратились в место бойни. Люди бежали, натыкаясь друг на друга. Вопли ужаса тонули в рокоте разбитой посуды и треснувших ящиков, которые вспыхивали то тут, то там. Кому-то в окно бросили загадочный шар, и он извергнул огонь! Я впервые вижу столь страшное оружие! Женщина, атакованная пламенем, замаяла руками и с воплями вывалилась из окна.

Тогда я бросилась бежать, но длинный подол абайи тут же запутался между ног. Я упала, разодрав ладони в кровь. Затем вскочила, немного пробежалась и опять свалилась, задыхаясь от пыли и гари.

«Ненавижу это платье!» — рыдала про себя, пытаюсь разорвать крепкую ткань. Тщетно.

Рядом со мной пронёсся всадник. Он на скаку перере-

зал горло верблюду, стоявшему у коновязи. Громадная туша рухнула прямо под ноги, и меня окатило горячим, густым фонтаном крови. Горько! Красный туман застлал глаза, и я закричала в рукав, вжимаясь в тёплую, ещё вздрагивающую плоть животного. Повезло — всадник проскакал мимо, решив, что задел меня.

Кое-как вытерев лицо, я выскочила из-за туши и огляделась.

В паре шагов лежал тот самый бастард из табачки.

Он согнулся калачиком, его маленькие ручонки всё ещё сжимали полупрозрачную ткань, которую я заботливо обернула вокруг язв. Больше не светлая, а тёмно-бурая, испачканная. Амаринец, даже не притормозив в сомнении, вогнал копьё в его хилую грудь. Ребёнок просто не успел убежать. Ему даже не позволили... Сволочь не пощадила мальчишку, больше похожего на веточку из моей корзинки, нежели на будущего мужа.

Внутри что-то сломалось, вызвав бурю под ясным небом. Весь страх, вся мягкотелость, о которых я причитала, сгорели в один миг. Осталась только чёрная ненависть, стянувшаяся в узел прямо на горле. Не могу дышать... Не могу! Ненавидеть — вот что в моих силах прямо сейчас, пока я стою посреди хаоса, согнувшись пополам от беспомощности.

Ноги сами рванули с места, ведёмые зловещей яростью. Убийца как раз разворачивал коня, лениво вытирая копьё о край седла. Довольная улыбка всадника подпитала мой гнев.

С криками бешеной птицы, я ринулась к нему. Рывок. Пальцы вцепились в ногу, увлекая его вниз. Не ожидавший атаки амаринец рухнул на землю.

Скривившись, я колотила его по лицу и шее, не чувствуя костяшками пальцев боли от сопротивления его брони. Он отпихнул меня, потянулся к кинжалу, но я оказалась быстрее — схватилась за камень, валявшийся рядом, замахнулась...

... и замерла. Эти броские жестокостью глазёнки сковали. В черноте его души я увидела себя: госпожа, измазанная в крови, которая с овечьей статью бросилась на койота. И пожалела, когда руки под камнем предательски задрожали. Хищники чуяли страх, и этот не стал исключением.

— Шваль прыгнула за мясом, а зубки-то ещё в утробе...
— прохрипел амаринец и ударил в живот.

С кашлем я завалилась набок, выплюнув:

— Твари! Будьте вы прокляты!

Я кричала без остановки. Трое амаринцев медленно приближались, поднимая сабли. Понимая, что конец близок, мне стало жаль. За все годы я даже не пыталась что-то изменить: научиться чему-то новому, выехать за пределы Пер-Вилона, да хотя бы полюбить мужа... Попытаться полюбить, раз мне выпала счастливая сторона монеты.

Тени остановились. Кажется, они отвлеклись! К нам приближались воины, пожалуй, самые красивые люди в этот момент. Поношенная одежда не умаляла их стати. Грязно-бежевые от пыли кафтаны облегали мощные плечи, а нашитые

на жилеты медные полосы ловили свет, поблёскивая вмятинами и царапинами. Грудь защищали нагрудники из дублёной в соли верблюжьей кожи. Стальные шлемы скрывали шею, а поверх металла в несколько слоёв вились льняные турбаны.

Аристократия Пер-Вилона, воины-маги, наконец-то! Они принесли с собой сильнейшее оружие империи.

Золотые всполохи, похожие на светящуюся песчаную крошку, взметнулись над площадью, зацепив цветастые палатки, тюль у ближайших домов и несколько красных турбанов. Вот она. Великая древняя магия аристократов, которую мне так редко доводилось видеть. Золотой песок под их пальцами превращался в режущие лезвия, щиты, даже удушьяющие коконы, если маг умело колдовал. Джан рассказывал, что имперская семья могла превращать песок в огонь и управлять им. Врал, наверное, но мне нравилось представлять великих эмиров в огненных плащах.

Бой выровнялся. Маги выкашивали ряды нападающих, ранив жалящими хвостами из песка вражеских коней. Половина амаринцев сразу начала отступать к границе, прихватив с собой женщин. Одну девушку я узнала — она разговаривала с тем стражником совсем недавно, а теперь... Только Златогривый знал, что её ждало на чужой земле в руках варваров.

Видя израненные тела налётчиков, я поднялась и выдохнула с облегчением. Рядом оказался человек в богатых одеж-

дах. Молодой господин, чьё имя я не помнила, но знала его отца — порядочного хозяина Пер-Вилонских шахт — вскинул руки и закружил ими над головой. Пытался вызвать золотой вихрь! Но из его пальцев вылетело лишь жалкое облачко пыли, которое тут же рассеялось на ветру. Он попробовал снова — лицо его исказилось от напряжения, жилы на шее вздулись, но магия ответила ему хилым плевком из ладоней. Я даже опешила, схватившись за грудь.

Он посмотрел на свои руки с таким ужасом, будто они его предали. В этот момент наши взгляды встретились.

— Берегись! — заорала я.

Амаринец, стоявший за его спиной, не замешкался ни на секунду. Сталь вошла наследнику угольных пещер между лопаток и вышла из груди с чавкающим хлопанием. Молодой господин упал молча, и его немощная магия окончательно погасла. И я поняла, что никогда не забуду его растерянный вид и внезапную беспомощность, перед тем как душой отправиться за холмы.

— Вставайте! — знакомый голос вырвал из оцепенения.

Кто-то подхватил меня под мышки. Лейла! Откуда она здесь? Её прислал Джан? Нет, она следила за мной. С самого начала.

— Скорее! Хозяин ждёт дома!

Конечно, где бы ему ещё быть в такой час?

— Шевелитесь!

Лейла потащила меня прочь, пробираясь через трупы и

обломки. Площадь тонула в золотой пыли и красном пламени, и я повторила слова Самиры: «Эмир скончался». Шайтан, надо было выйти из дома на день раньше! Я окинула взглядом брошенную корзину, которую разорвала чья-то быстрая вспышка, вспомнила лицо негодяя, что смеялся надо мной, лёжа подо мной, и заметила, как быстро и свободно двигалась служанка с оголёнными ногами. Так и не найдя, кого обвинить во всём, я покорно поспешила от взрывов и вскриков.

Глава 2: Принцесса

Мечта каждой девочки в Зарийской империи — облачиться в золотые шелка и оказаться под покровительством сильнейших мира, аристократов. Когда я впервые вступила на лестницу резиденции Бозкурт, то поверила, что передо мной открылись все двери до самого Янтарного залива, но на самом деле... Всего одна дверь. Сейчас уже обшарпанная и скрипучая, каждый день хотелось снести её силой мысли или представить, как её доломает ураган. Осточертело сутками сидеть на балконе и считать лохматых козлов на холмах.

Как быстро менялись желания, если клетка становилась укрытием. Когда мы с Лейлой вернулись домой, ноги подкосились перед резервуаром с чистой водой, которую утром наполняли слуги. Небольшой бассейн прямо в зале, под открытой частью крыши, уже успело окропить сухими иголками, что принёс ветер.

— Ну же! — Я тёрла руки, намочив рукава и шею, плескала на себя воду, лишь бы смыть кровь.

Вода мгновенно помутнела, но легче не стало. Кровь словно въелась в кожу, обжигая изнутри. Тело била дрожь, заглушая голоса вокруг. Откуда-то доносились отдалённые вопросы, кто-то тряс меня за плечи, а я слышала лишь взрывы и смех амаринцев. В резервуаре на меня смотрели мёртвые глаза мальчишки, который так и не успел потратить зарабо-

таннные монеты.

«Киара! Сестра!»

Я крепко зажмурилась и оттолкнула чужую руку.

— Ки, бешеная! Успокойся, атаку отбили. Ты в безопасности. — Джан отряхнулся и махнул на меня, пока я пыталась вспомнить, когда это рядом с ним было безопасно. — Хазин, потери большие?

Хазин-аль-Сихр давно служил роду Бозкурт, отчитываясь Джану по всем вопросам, начиная с ведения его истощённой казны и заканчивая последними сплетнями. Этот человек бывал в разных городах и даже несколько раз посещал Орвимар. Низкорослый мужчина объездил каждого родственника Джана и отъел благородное брюхо, едва удерживаемое широкими поясами. На них вечно позвякивали мешочки с табаком и карамелью. Его борода, сужающаяся книзу, напоминала волчий хвост, нелепо прикреплённый к круглой голове. Почему же он мне не нравился? Всего один раз я попросила привезти мне книгу, но получила ответ: «Госпожам не следует читать больше одной книги в год. Если хотите развлечься, то проведите время с мужем».

— Восемь похищенных женщин. Четырнадцать наших убиты. Двое из аристократии. — Хазин подошёл к окну и прищурился, оставаясь слишком спокойным. — Утром мы навестим семьи погибших и выразим соболезнования.

— Все четырнадцать семей или лишь две? — Надо смириться, что одежду придётся выкинуть. Мокрая и грязная, я

встала и вырвала из рук Лейлы чашу с водой.

— Госпоже Киаре следует пойти наверх и отдохнуть, — выразил своё «фи» Хазин, оглядев меня с ног до головы. Нет уж, пусть видит, как на самом деле выглядит Пер-Вилон!

Джан тоже разворчался:

— Сама виновата, что потопала на рынок одна. Тебе очень повезло, что выбралась оттуда целой и невредимой. Насчёт головы я не уверен, но это скорее врождённый недуг.

— Я искала воров. Да! Чего смотришь? Кто-то же должен заниматься делами, пока ты считаешь песчинки.

— Твои дела касаются только этого дома, а ещё доходчивее — нашей постели. Не огрызайся! — наседал Джан, явно обиженный моим напором.

Не выдержав его надменного вида, как у короля, правящего горкой из черепов, я усмехнулась и подошла вплотную, не намереваясь сдерживаться в обвинениях:

— Ты допустил это. Ты, ясно? Стражники распоясались, охрана города должна быть усилена. У тебя крадут свои же из-под носа, торгуют на границах, набегии участились, а ты не можешь починить скотскую крышу в доме!

Думаю, я слишком увлеклась, отчитывая мужа при Хазине, но сказанного не воротишь, а передо мной всё ещё намертво падали люди, поражённые голодной сталью. Я ждала, что Джан меня ударит. Он даже занёс руку: весь покрасневший, надутый, с дрожащими губами, явно хотел пресечь меня звонкой оплеухой, но не смог. Сегодня его жена была в

красном. В самом тонком, но слишком омерзительном платье — крови. Побрезговал? Да, вон как сморщился. Или до него наконец дошло: раз эта гадость просочилась за порог резиденции, значит, и мастера «кровавого кроя» уже совсем близко? О том, что кровь верблюжья, я умолчала.

Джан открыл рот, но промолчал, когда с лестницы послышались шаги. От этой походки вразвалочку меня откровенно передёрнуло.

— Ай, воете койотами! Дайте поспать, чего разорались? — возмутился недовольный голос.

— Господин, — кивнул Хазин, разочарованно смотря на нашу семейку. — На город напали.

Я никогда не могла предугадать, что выдадут уста, напоминающие лепестки ядовитого олеандра. Их обладателю уже шестнадцать — противнее возраста я не знаю. В головах плясали перекати-поле, они же и вспыхивали, как фитили, при виде искры огня. Юноша, спустившийся со второго этажа, забавы ради мог смеяться над вещами, которые нормальных людей печалят: последствия Солнцепёка, когда ближайшая река пересохла, а скотина дохла; или пропажа молодой госпожи, чьё тело нашли истерзанным в бочке. Как он тогда говорил? «Солёная госпожа вкуснее огурчика». Вытянутый, он унаследовал кудряшки своего отца, но остроте языка научился сам. Его звали...

— Мурат! Ты решил проспать всю жизнь? — хохотнул Джан, обрадовавшийся, что обстановка смягчилась.

— И днём морды высунули? Гляньте, додумались же. В темноте всё неудобнее лавки громить. Да и красивых женщин при свете найти легче, чем ночью.

— Ой, не говори. Поумнели что ли?

— Па, спорим, они похищают баб, чтобы осеменить их? Думают, что от каждой родится маг. Задницы обезьяньи.

Я прожигала взглядом разбалованного отпрыска, вспоминая, как один из амаринцев схватил девушку с площади, и она кричала, моля её отпустить. Мурат перехватил мой взгляд. Тут же вытянулся, картинно сцепил пальцы в замок и прищурился.

— Мама, — почти промурлыкал он, подходя ближе. — Лови!

Не успела опомниться, как на грудь прилетел сколдованный паук из золотого песка. Я вскрикнула, подпрыгнув на месте. Пока до меня доходило, что это очередная забава Мурата, тот всю хохотал, схватившись за живот.

— Хватит! Не смешно. — Мерзкий паук свалился на пол. Гад сразу побежал к хозяину, забрался по штанине и осыпался исчезающей крошкой. — И не называй меня мамой, — чуть тише попросила я.

— Никогда не надоест, — сказал сам себе Мурат и подмигнул, задерживая взгляд на моей груди: мокрая ткань прилипла и слишком выделяла бюст. Я смутилась и поскорее закрылась руками, понимая, в каком неглиже предстала перед всеми.

— Приказы будут, господин? — устало спросил Хазин.

— Рахат-лукум закончился... — перебил мужа Мурат.

Не в силах терпеть этот бардак, я укрылась пледом с дивана и направилась в баню, чтобы привести себя в порядок. Меня провожало неуверенное блеяние мужа:

— Э-э-э... Приберите там всё. Трупы, площадь... И побольше стражи у входа, на всякий случай. Да, и узнайте у Болана про карты. Хочу отыгаться.

Вздвогнув от распоряжений мужа, я развернулась и громко заявила:

— Эмир мёртв. Нам нужно уезжать в Лакуум. Сейчас же.

Я ждала чего угодно: что в меня швырнут тётушкиной вазой, куда я сплёвывала шелуху от семечек; проклянут или запустят песчаный снаряд прямиком в рот, чтобы проучить. Однако дом Бозкурт оцепенел. Мурат сгорбился и усталился в стену, Хазин нахмурился, схватившись рукой за пояс, а Джан выпучился, как недоношенный котёнок лысышки, которого окатили ледяной водой.

— Т-ты дубина или... д-да? — заикаясь, выдал муж, бегло осмотревшись по сторонам. Боялся. Мне тоже страшно говорить такие вещи про великих эмиров, посланников Великих Богов и Хранителей Шан-Ора.

— Или да. — Хазин покачал головой, будто я ему иголкой в уши лезла, хотя, наверное, так и звучали мои слова. — Откуда весть?

— От надёжного источника. Просто поверьте.

— Твой единственный источник — домашняя купель! В которой ты киснешь часами. Не миражируй нам голову, нельзя разбрасываться такими жуткими заявлениями. Всё, иди в мастерскую! — Джан шумно выдохнул. — Хазин? Чего глаза опускаешь? Неужели...

Дальше всё произошло мгновенно: Джан схватил Хазина и впечатал его в стену, но ударился рукой и сам отскочил, обиженно пнув сундук. Из-за вздохов и стонов я еле различила: «Ты знал! Вижу, что знал!»

Вмешался Мурат. Он выставил кулак, на запястье которого тут же засиял браслет из тусклой пыли. Магический прицел замер на Хазине. Юноша дрожал от напряжения, но не отступал — в отличие от отца, не боялся пользоваться даром.

— До меня доходили слухи!.. — оправдывался Хазин. — Письма из дворца не поступало! Простите, господин!

— Жук навозный, ты хоть представляешь, в какой мы все опасности? — выступил Джан на Хазина, опустив кулак сына. — Собираемся сейчас же. Пните слуг, мы уедем на рассвете. Мурат, ты понял?

— Отец, а мы не можем вздёрнуть дикарей? Дать отпор. В этот раз я напомнила о себе едкой усмешкой. Да настолько громкой, что все три головы одновременно повернулись ко мне с нескрываемым раздражением. Больше к этому вопросу мы не возвращались.

Несмотря на все ужасы, моя душа ликовала: «Я нако-

нец-то побываю за пределами Пер-Вилона, познакомлюсь с другими людьми, найду новые книги!» — и это ощущение цвело во мне всю ночь. Пока Джан пил и курил трубки, а Лейла делала ему успокаивающие массажи, я заботливо обернула свою коллекцию: сборник стихотворений и два тома «Зарийской истории» с вложенным листом по основам боевой магии. Думаю, это самая большая коллекция книг у госпожи в нашем захолустье. На самом деле у меня спрятана ещё одна книга, но...

От воспоминаний я поёжилась, стоя на затоптанном сандалиями балконе.

— Соберись, завтра тебя ждёт Лакуум. Нельзя унывать! — Я хлопнула в ладоши, и с соседнего балкона раздались издевательские хлопки.

Мурат изображал меня: прильнул к балюстраде, скривил лицо, будто на него свалились все тяготы мира, и, вытянув губы в трубочку, хлопал. Вот ведь шакалёнок! Вся романтика момента улетучилась. За это я показала Мурату неприличный жест.

— Ну-ну, не дуйся, — он прикоснулся указательным пальцем к груди, а затем перевёл его на меня, создав золотую нить. Щелчок. Нить превратилась в стрелу и полетела в меня. — М-а-м-а.

Его очередная забава вышла из-под контроля: стрела разбилась о место чуть ниже моего живота. Горячее дуновение смутило меня настолько, что я вся сжалась и упала на коле-

ни, дрожа от стыда.

— Как ты смеешь... Противный мальчишка!

Мурат цокнул языком и ещё раз поманил указательным пальцем, чтобы я зашла в его спальню. Отвратительные, недопустимые шутки, от которых мне никак не защититься. Ужасный возраст — эти шестнадцать лет.

Только мысли о предстоящей поездке спасали. Может, в городе побольше мне удастся ненадолго скрыться и затеряться среди толпы, пока Джан в моментах трезвости не вспомнит, что приехал не один.

Только утром мы никуда не поехали. Вещи так и остались лежать на пороге, а карету даже не успели запрячь.

Из Орвимара пришла скорбная весть: «...над каждым поселением, будь то затерянная стоянка зарков или великий город; над всяким галеоном, идущим под кошачьим знаменем по ветрам Ревущего моря; над самим Великим Гребнем, что рассекает пески Вилонской пустыни, — всюду, где теплится дар дракона и где плотью жертвуют во имя драконьей силы, люди узрят в небесах ослепительный разрез. То было послание из тронного зала Костяного дворца, разнёсшееся над всей империей. Знамение гласило: небо расколосось от горькой потери эмира, чья душа, в последний раз облетев свои владения, упокоилась в песках». Так писали в книге.

Ничего прекраснее я не видела. Но восторг сменился неприятной истиной — правитель из Орвимара в самом деле мёртв. И сейчас, стоя на крыльце с собранными вещами, я не могла отвести взгляд. Неуважение.

— Сила династии может гласить на всю империю. Немыслимо, — восхитилась я вполголоса, чтобы не нарушить тишину, в которую погрузился весь Пер-Вилон. Я даже услышала шорохи ящериц и мяуканье лысянок.

Утрата империи недолговечна. Совсем скоро избирали нового наследника престола. К сожалению, я не знаю нынешнюю династию, ведь моя книга по истории охватывала хронологию до 1500-х годов. Устарела почти на десять лет. У Джана хранилась летопись, но трогать его документы мне строго запрещалось. Однажды он даже поставил охрану, чтобы я больше не читала его скучную почту.

Комета горела несколько дней. Джан сказал, что совсем скоро всем наместникам поступят новые указания, либо представителей даже пригласят на региональный совет. Он с волнением ходил по дому. То радовался и выпивал за будущее, то грустил и злился, что перемены могут прийти не с лучшей стороны.

— Главное, чтобы не со стороны Амарии, — я пожала плечами, когда муж показывал свои парадные наряды, пытаясь выбрать самый подходящий его статусу замыкающего наместника. Последний — не значит худший? Раскрыл бы

он уже свои глаза. — Джан, а если будет собрание, ты возьмёшь меня с собой?

— В столицу? Смешно.

— Пожалуйста! Я ни разу не путешествовала. Буду тихой, даже не пикну, клянусь.

— Даже не начинай. Мы не можем рисковать, особенно сейчас. Знаешь, если новый эмир проведёт нужные реформы, мы сможем обогатиться. Нам это сейчас крайне необходимо! Моя репутация должна быть чистой. А ты... — он замялся, откладывая ярко-зелёный плащ. — Не мути воду, ладно?

— У тебя уже вместо воды — вино. Нечего мутить, — обиженно фыркнула я, отвернувшись. — Столько лет слушалась! Я не заслужила твоего доверия?

— Как бы сказать... Даже не знаю, м-м, Лейла, выручай!

— Фальшивую госпожу видно издалека, — как мантру отчитала служанка, держа в руках поднос с фруктами. Когда я потянулась за виноградом, она отошла на шаг назад. — Если вашу личность раскроют, то семьи Бозкурт не избежать наказания.

— Я бы лучше вжилась в роль, посещая всякие светские трапезы.

Джан усмехнулся и встал перед зеркалом, прикладывая к себе уже другой плащ глубокого синего оттенка:

— Не, ты уже старая для гулянок. Учитывая, что тебе якобы тридцать три. Пора угнездиться, подумать о приходящей

старости...

— Джан! — Я бросила подушку на пол, затем снова потянулась за виноградом, но Лейла опять отошла. — Раз уж «забрал» мои десять лет молодости, будь благосклоннее.

— Да о чём ты будешь беседовать с зарийскими девами? Угомонись и слушайся меня. Может, следующей весной съездим на пляж.

Не успела я возразить, как в покои ворвался Хазин: запыхавшийся, с крупной испариной на лице и скривившийся от страха. Его пояса сползли, и рубашка небрежно повисла, делая его ноги ещё короче. В руке держал свиток с золотой лентой.

— Новому эмиру присягнули на верность, — отчитался Хазин. — Здесь его имя и первый приказ для вас. Прочтите скорее!

— Так быстро!? Давай сюда!

Джан прытко перелез седир⁴ и выхватил свиток, жадно вчитываясь в заветные строки. Его выражение лица я описала сразу: ступор обыкновенный, детское удивление, негодование с капелькой страха; затем муж вытянулся, скривил нижнюю губу и снова впал в ступор. Три круга эмоций, прежде чем он оторвался от свитка и, на удивление, первым делом взглянул на меня.

— К нам приедет принцесса Амари, — еле выговорил

⁴ Религиозно-просветительское и учебное заведение второй ступени (после начальной школы).

Джан и рухнул на седир. — Сюда. В Пер-Вилон. В наш дом.

Мой подбородок дрогнул, а глаза с ужасом расширились. На миг я позабыла, что за хряки пыхтели со мной в комнате, но кашель Хазина быстро привёл в чувство — это не сон. Джан медленно передал послание. От волнения скрутило живот.

Наследник Чернёного трона одним днём заключил перемирие с давним врагом, который более пятнадцати лет терзал Зарийские земли. Чтобы создать новый союз, в Орвимар пригласили юную дочь правителя Амарии, принцессу Лиандру. Она станет женой нового эмира.

А моему «... ответственному и исполнительному заместнику Пер-Вилона необходимо сопроводить принцессу Лиандру в столицу и отчитаться перед эмиром хазретлери. С момента получения этого письма, за сохранность принцессы на Зарийских землях несёт ответственность весь род Бозкурт. Сопровождение принцессы — тайна, которая должна быть сохранена кровью вашей семьи».

Сначала я взглянула на трещину в стене, которую пыталась завесить ковром, но он так и отвалился уголком из-за постоянных сквозняков. Затем пробежалась по полу, встретила взглядом с упитанной мышью, мы тепло распрощались, и я улыбнулась так, будто уголки рта тянули ниточками с разных сторон. Джан ждал от меня решений? Чтобы по щелчку пальцев я сколдовала нам роскошную резиденцию с пышной зеленью и столами, забитыми всевозможными яст-

вами?

— Когда её нужно встретить на границе? — проскулил Джан, всё ещё не моргая.

— Через два дня, господин.

— Понял, да... Что ж... Всего два дня осталось жить. Не будем терять время! Хазин, пойдём, опустошим пару кувшинов. Выпьем за свои будущие поминки.

Мужчины кивнули друг другу и удалились, оставив меня наедине со свитком. Я повертела его в руках, ещё раз прочитала и поднесла к носу.

— Как интересно. Мандарины и что-то терпкое. Понюхашь? — спросила Лейлу.

Конечно, она не ответила. Тогда я встала, аккуратно свернула письмо и убрала в ящик своего стола. Пока Джана страшила лишь одна мысль быть причастным к чему-то столь великому, как сопровождение настоящей принцессы, я же не могла успокоиться: глаза намокли, в груди родился сладкий виток, от которого вскружило голову. Тогда я прижалась спиной к стене и широко улыбнулась.

— Лейла, собери всех слуг. Нужно привести резиденцию в порядок.

— Хотите попытаться? Господин Джан...

— Струсил, — договорила я. — Твой любимый господин всегда хотел выделиться, встать под луч света на отшибе мира, и когда ему выпал такой шанс — груз ответственности обличил его кроличью натуру в волчьей шкуре. Мы обе пре-

красно знаем, что это событие поделит наши судьбы на «до» и «после». Неужели тебе хочется просто ждать?

Лейла прищурилась и искренне ответила:

— Только фальшивая госпожа спрашивает мнение у служанки.

Наши улыбки встретились. Пока план обрастал распоряжениями, Лейла молча пододвинула поднос ближе. Вот и заслуженная награда: сок спелого винограда на языке и перемены, от которых муженёк меня не отгородит.

Глава 3: «Мама?!»

Пер-Вилон медленно вымирал. Одни и те же торговцы годами сновали между городишками, скрипя рассохшимися телегами. Кочевники в наших краях не задерживались: слишком частые бури, скудная растительность и опасная близость извергов, любивших совершать набеги. Опасно.

Но сегодня мне чудилось, будто город превратился в тихую гавань. Ветра стихли, и даже дикие вараны вежливо скрылись.

— Да, помощь природы нам не помешает, — кивнула я, стоя вместе с семьёй и слугами у въезда в резиденцию. — Джан, выпрямись, они вот-вот приедут. Ты уже придумал, как объяснишь, почему не встретил принцессу на границе?

— Ки, я всю ночь...

— Слизывал вино с грудей Лейлы, — перебила я. — Ещё плакал, стучался ко мне и что-то мямлил про последнюю ночь любви.

— Всё-всё! Скажу, что проверял защиту резиденции. Между прочим, слуги вылизали дом, молодцы! А крышу Мурат починил, да? Сын?

Разряженный Мурат высматривал карету. Даже причесал волосы и повязал на лоб тонкую ленту со знаменем Бозкурт — мешочек с солью, который лежал на двух ладонях. Неплохой доход в прошлом, правда сейчас остался лишь один со-

ляной каньон, в котором работало три калеки. На город хватало. Я слышала, что даже в плохой сезон люди жевали кожаные ремни. Если с солью — терпимо.

— Мурат! — шипел Джан. — Ты же починил крышу?

— Отец, я думал крыша на тебе... — даже не шелохнувшись, ответил тот. — После второго кувшина ничегошеньки не помню.

— Баран.

Да, люди сойдут с ума, вражеские принцессы отобедают из наших подносов, но эта семейка навсегда останется такой же. Я гадала, как, наверное, скучающе смотрюсь со стороны. Веселье мне чуждо. Джан говорил, что моя натура похожа на высохшие озёра с грязевыми трещинами.

— Едут! — крикнул то ли Мурат, то ли Джан. В моменты сильных волнений слух подводил.

На тропе, ведущей к дому, показалась двухместная карета с тёмными шторами. Она неспешно приближалась, тягаемая двумя статными жеребцами. Некрупные лошади с утончённой статью — вилонские скакуны, чьи тонкие копыта и гордо выгнутые шеи, отливающие серебром под палящим солнцем, не могли не радовать. Джан отдал последние сбережения, чтобы Хазин поменял верблюдов на коней.

Карета остановилась, подняв облако мелкой пыли. Джан нервно поправил ворот кафтана, а Мурат оцепенел, уставившись в лакированную дверцу.

Первым вышел Хазин. Старый шакал тоже принарядился:

напялил парчовый жилет, украсил тюрбан цепочкой. Он коротко кивнул нам, негласно предупреждая: «Держитесь достойно».

Следом вышел человек, заставивший меня невольно поёжиться. Высокий, широкоплечий, с кожей цвета эбенового дерева. Пугающие рыбы глаза уставились на меня. Один из них был мертвенно-белым, затянутым бельмом от древнего шрама. Лицо чужака напоминало карту сражений, а татуировки на бритой голове — счёт трофеев. Я задержала взгляд на полосках, пересекавших массивный лоб, веря, что это сделали зарки. В ушах амаринца поблёскивали тяжёлые кольца, а за спиной в кожаных ремнях покоилась массивная секира с навершием в виде оскаленного льва.

И только когда великан замер, из кареты вышла она. Принцесса Лиандра.

Казалось, вместе с ней в знойный Пер-Вилон прокралась прохлада знаменитых горных вершин Амарики. Я откровенно засмотрелась на королевский наряд из бесчисленных слоёв тончайшего белого шёлка и муслина, расшитого нежно-голубыми нитями, похожими на капли дождя. Когда я разрежала моток ниток, то он раскрывался «юбкой» из многочисленных ворсинок, и сейчас принцесса казалась мне такой же — почти воздушной, даже... мягкой! Словно облако, спустившееся на песок, она даже следа не оставит. Голову и лицо закрывала расшитая маска и плотная накидка — ни единого локона не выбивалось наружу. Лишь её ясные и холодные

глаза, пристально изучали нас сквозь прорези.

— Я — принцесса Лиандра Майши-Ро, наследница Трона Трёх Ветров, дочь Владычицы Снежного Пика, — раздался тихий, но властный голос. — А это мой «второй клинок», Ижи. Он сопровождает меня.

Перед нами стояла хрупкая дива с тонкими запястьями, но в её осанке и чуть поднятом подбородке чувствовалась сталь поколений, которые воспитывают своих детей так, чтобы, будучи ниже ростом, они всегда выглядели выше всех.

Она обвела взглядом фасад дома, облупившуюся краску на расписных колоннах, скудную лепнину и немногочисленных слуг, опустивших головы.

— Мы прибыли из сердца Амарии, чтобы продолжить путь в великий Орвимар. Но... — она запнулась, и в её голосе прорезалось недоумение. — Мне говорили, что я останюсь в резиденции наместника. Почему нас привезли в этот... скромный дом?

Джан открыл рот, судорожно хватая воздух, как тот верблюд, которого прирезали у меня под носом. Мурат и вовсе стоял, прикусив язык. Я почувствовала, как по спине пробежал заморский холодок, и шагнула вперёд, склоняя голову в изящном, но сдержанном поклоне.

— Госпожа, — мой голос звучал почти ровно, вопреки колотящемуся сердцу. — Это и есть временная резиденция, выбранная ради вашего спокойствия. Наместник опасается, что в главном дворце города слишком много лишних глаз

и ушей. Здесь же вы останетесь незамеченной. Род Бозкурт сделает всё возможное, чтобы угодить вам.

Лиандра на мгновение задумалась, её глаза сузились. Затем она едва заметно кивнула:

— Мудро. Времена нынче беспокойные.

Джан облегчённо выдохнул, бросив на меня взгляд, полный немого восхищения — он явно не ожидал от «высохшего озера» такой прыти. Мы двинулись в дом, мимо тяжёлых курильниц с ладаном. Но Мурат, чью голову напекло от ещё нераскрытой красоты гостыи, вдруг преградил ей путь. Жуткий воин Ижи потянулся к секире.

— Прошу прощения за дерзость, госпожа, — он протянул руку ладонью вверх. Я в ужасе наблюдала, как его пальцы растопырились, и прямо из крупниц начал соткаться цветок — кривая кордия из мерцающего песка. — Пусть этот дар скрасит ваши впечатления.

«Наглец! Молись, чтобы великан не отрубил тебе за-
пястье. Подарок ещё и некрасивый! Пауки и крысы получа-
ются намного лучше», — мы с Джаном переглянулись, гото-
вые взять Мурата за шкуру и оттащить от гостыи.

Принцесса кивнула. Ижи едва заметно прикоснулся к ору-
жию, но Лиандра жестом остановила его. Она осторожно взя-
ла цветок.

— Знаменитая зарийская магия? Интригующий подарок.

— Простите, Ваше Высочество, — пробормотал Мурат,
внезапно осознав, что натворил. — Он не навсегда... Знаете,
э-э-э, скоро сдуется.

Лиандра тихо усмехнулась и, не оборачиваясь, проследо-
вала в отведённые ей покои, устланные лучшими коврами из
наших с Джаном спален. Как и седир, столик на витых нож-
ках, моё зеркало...

Как только гости прошли вперёд, Джан, не сдержавшись,
отвесил Мурату звонкий шлепок по затылку.

— Задница баранья! — ругался он вполголоса. — Хо-
чешь, чтобы нас казнили? Она — невеста Эмира! Её лицо
— запретный плод, её покой — святыня! Мы лишь перевоз-
чики, верблюды в тюрбанах, и всё!

— Ей понравилось же... Ладно-ладно! Понял.

Я смотрела на закрытую дверь, за которой скрылась таин-
ственная госпожа. В нашем стареньком доме, покрытом тре-
щинами и безразличием хозяев, теперь находилось сокрови-

ще, предназначенное для самого правителя Зарийской империи.

— Лейла! — позвала я служанку. — Будь рядом. Если госпожа захочет омыть руки розовой водой или попросит щербета — подавай незамедлительно. Плевать, что щербета у нас нет, будем выкручиваться. И не смей поднимать на неё глаз. Ты всегда ворчала на меня. Теперь твоя спина не должна разгибаться от поклонов.

Хотелось самой сторожить покои, дожждаться, когда Лиандра выйдет, да даже наведаться к ней под любым предлогом. Спросить, каково это — носить на плечах судьбу целого союза государств? Каково знать, что твоя красота принадлежит человеку, которого ты, как мне кажется, никогда не видела?

«А я знаю запах. Мандарин и что-то горькое, но приятное», — вспомнила я письмо из Орвимара. Ещё одна ценность. — «Нельзя забывать, что в моём доме амаринка».

Эти люди никогда не приносили с собой благие знамения. Как забыть побоище на рынке три дня назад, насмешку убийц и волю того, кто их послал? Вашего отца, принцесса? Деда? Кто виновен в бесконечной ненависти вашего королевства к нам?

— Готовьте ужин, — скомандовала я, оглядывая суесящихся слуг. — Достаньте серебряные подносы и... — во мне клубились сомнения, подкормленные чем-то личным и ещё ноющим. — И больше ничего. Обойдутся.

У «второго клинка» была настолько тёмная кожа, что я невольно поверила — кровь у него тоже чернее, чем у обычных людей. Мы уже минуту прожигали друг друга взглядами, и до меня наконец дошло: «Наша ненависть взаимна».

— Спрашивай, куколка, — с ядовитой лаской заговорил Ижи.

— Повежливее. Что значат татуировки?

— Походы и кампании. Война окрасила два поколения моих предков в эти узоры. А ещё больше жизнью она забрала.

— Как я рада, что это противостояние скоро закончится, — без капли радости ответила я.

— М-м... Амария надеется на крепкий союз и взаимное уважение.

— Надежды дурманят голову и мешают здраво мыслить. Не питая иллюзий.

Неожиданно Ижи ухмыльнулся, и я убедилась оконча-

тельно — этот воин мог поджечь мой дом, выпотрошить Джана и насадить Мурата на что-то острое, пока последняя капля магии не источится в его хриплом кашле.

Но в этой большой партии в нарды мы с амаринцем — лишь шашки. Готова поставить сотню фин⁵: Ижи догадался, что и я мечтала пинками выгнать их отсюда, пустив стрелы в спины. Шайтан, вот бы научиться стрелять! Однажды я пыталась сделать рогатку, но...

Из покоев вышла Лиандра. По-прежнему закутанная, принцесса проследовала вперёд, точно не замечая никого вокруг. Ожидание приглашённой к столу гостьи растянулось на добрых полчаса, но теперь она прошла мимо, приняв меня за мебель. На теплоту я не рассчитывала, но где же обыкновенная вежливость? Мелкое пишмание.

Заметив моё вспыхнувшее негодование перед тем, как пойти следом, Ижи бросил резкое:

— Поймите, госпоже неинтересна безродная хозяйка отстойника на краю мира. В отличие от меня.

Не считая моих испепеляющих взглядов в сторону этой противной парочки, ужин прошёл сносно. Мясную кашу, на которую мы зарубили самого добротного петуха, сначала попробовал хвост Лиандры, чтобы исключить отраву в пище, а затем и сама принцесса скромно погружала ложку и прятала

⁵ Религиозно-просветительское и учебное заведение второй ступени (после начальной школы).

её за никаб⁶. На удивление Джан вёл беседу, рассказывая о погоде, и о том, как недавно у нас поймали дикую пятнистую свинью, которая терроризировала сады. Его болтовня разби- вала тишину, и я бессовестно погрузилась в раздумья, так и не притронувшись к еде.

За нас двоих усердствовал Мурат, закидывая в рот по несколько булочек, небрежно обмакнув их в мёд. С испач- канным подбородком он так и норовил наклониться к прин- цессе, с которой сел раньше, чем подали первое, и наколдо- вать небольших фигур: ящериц с большими головами, буто- ны цветов, больше похожие на мошонку, и несколько рога- тых жуков на длинных лапках.

Оставалось лишь гадать, когда эти фокусы наскучат го- стью, но самообладание Лиандры внушало невольное ува- жение. Меня же от «колдовства» Мурата передёргивало до рвотного позыва. Спрятанный лист с основами боевой ма- гии так и не познал нужных глаз, хотя я подарила его юному господину, но тот покривился на сложные спирали и длин- ные столбцы теории и сказал, что отец отдаст его в школу к адептам по наступлении восемнадцатилетия. Кошель Джана будет крайне против этой идеи — обучение в храмах Шан- Ора считалось одним из самых дорогостоящих.

— Эй! — возмутился Мурат, когда один из его жуков под- полз ко мне, и я смачно прибила уродское насекомое кула-

⁶ Религиозно-просветительское и учебное заведение второй ступени (после на- чальной школы).

ком.

— Благодарю за ужин, — Лиандра встала вместе с Ижи.
— Господин Джан, господин Мурат. Тихой ночи вашим по-
коям.

— Тихой ночи, Ваше Высочество, — ответно пожелал муж.

— Д-да! Вам тоже... — Мурат широко улыбнулся, хлопая ресницами.

Чем я заслужила её пренебрежение? Обидно! Во мне уже роилась мечта, что мы побеседуем перед отъездом, но, видимо, женщины Амарии такие же жестокие и холодные, как и мужчины их варварской страны. Как хорошо, что уже утром они все уедут.

Глубокой ночью живот вообразил себя кайотом-бардом и развылся жуткой песней про лепёшку с травами, банановые пирожные или даже горшочек каши... Повинуясь зову го-

лода, пришлось высвободиться из-под лапы Джана — муж во сне то ли храпел, то ли задыхался. Зябко поёживаясь от сквозняка, я накинула халат и, ссутулившись, точно старая кряква, побрела к выходу.

Думая только о кухне, я даже забыла обуться и босиком пошуршала вниз. Ничто не собьёт меня с пути к запретному удовольствию каждой госпожи — ночному жору. И вдруг...

В соседние покои пробрался стон. Короткий. Но различимый.

Я замерла, пытаюсь убедить себя, что словила ночные миражи из-за голода. Только неприличные звуки повторились. Мурат решил заняться непотребством со служанкой, пока в доме гостила принцесса! Гадёныш!

Гарцуя на цыпочках, я выглянула в коридор, где у покоев Лиандры на табуретке сидел Ижи: раскинул ноги, подпёр туловище руками и дремал. Слава богам! Быстро разгоню двух кроликов-извращенцев, запру Мурата от греха подальше и нажалуюсь Джану.

Полная решимости, я засучила рукава халата и с ноги выбила дверь в покои юного господина.

— Постыдился бы! — вполголоса крикнула я.

Слова с нравоучениями застряли в горле, превратившись в колючий комок из куста сухоцвета. Как же оказывается отвратителен запахок разлитого вина, догоравших свечей и двух потных тел.

На смятых простынях, в неверном свете единственной до-

горающей свечи, я увидела картину, чья цена одного мазка стоила всех голов семьи Бозкурт.

Мурат, этот непутёвый бесстыдник, навалился на женщину: нагой, его спина лоснилась от пота, а рваные движения сочились жадной неуклюжестью. Мурат не знал, как ласкают опытные мужья, и поэтому вбивался в податливое тело под ним, как слепой дурачок, задыхаясь и что-то несвязно мыча. Отцовские замашки. Его голова была опущена — он то и дело впивался зубами в светло-розовые ореолы груди...

...принцессы Лиандры.

С широко раздвинутыми ногами она лежала под ним. Без своих многослойных одежд амаринка казалась пугающе хрупкой, почти прозрачной, как наши тюли. Молочная кожа выглядела болезненной, а её груди, не стеснённые корсетом и приличиями, растекались, как две тяжёлые капли, подрагивая от каждого толчка. Светлые волосы разметались по подушкам, прилипнув к влажным губам.

Она даже не отбивалась. Напротив: её пальцы с силой впивались в плечи Мурата, оставляя багровые борозды, а из горла вырывались надрывные стоны. Каждый раз, когда мальчишка входил в неё со всей своей нелепой дурью, Лиандра выгибалась дугой, подставляясь под непозволительные касания.

— Мурат?! — мой голос сорвался на визг, перекрывая звук шлёпающейся плоти.

Он вздрогнул и медленно обернулся, не выходя из запрет-

ного тела. На глупом лице Мурата застыла маска животного испуга, быстро сменяющаяся первобытным ужасом. И всё же с молодых губ свисала предательская ниточка слюны.

— Мама?! — выдохнул он с такой жалостью, что меня чуть не вырвало. Чего же он сейчас не мурлыкал?!

В это горькое мгновение перед глазами пронеслась вся моя жизнь, словно перелистываемые страницы потрёпанной рукописи, которую я берегла для самых заветных случаев. Вот я, босоногая девчонка, в грубом холщовом платье собирала капусту на отцовском поле, чувствуя запах сухой земли и навоза. Мечтала лишь о том, чтобы солнце не так сильно жгло плечи. Когда мама сидела на крыльце, я прижималась губами к её большому, тугому животу, и мы обе чувствовали, как внутри толкалась новая жизнь.

Затем: душные, пахнущие благовониями и телесным жаром комнаты, где в обольстительном полумраке горели сотни свечей. Я помнила тонкие ляжки, впивающиеся в кожу, и бесконечную музыку, под которую засыпала. Плач. Стоны. Смех.

И, наконец, этот дом. Джан, его вечные долги, пьяные обещания и герб Бозкурт, втоптаный в грязь за одну ночь.

Позор. Казнь. Зинданы, где стены покрыты плесенью и кровью. Всё это ждало нашу семейку на рассвете.

— Вон! Пошёл вон от неё! — я бросилась к кровати, хватая Мурата за скользкие от пота плечи.

Я оттаскивала его с силой, на которую, казалось, не была

способна, если рядом никого не резали. Мурат, совершенно потерянный, голый и жалкий, с полувставшим черенком, повалился на пол, путаясь в собственных ногах. Лиандра осталась лежать на кровати, даже не пытаясь прикрыться. Принцесса глубоко дышала, глядя в потолок остекленевшими глазами.

— Что ты наделал?! Понимаешь, что натворил, гад?! — рука сама взметнулась для удара, но так и замерла в воздухе. Тело била мелкая дрожь.

Мурат молчал, забившись в угол на ковре и жалко прикрывая наготу. В глазах блестели слезы: животное внутри насытилось, уступив место первобытному страху перед содеянным.

В порыве гневной решимости я схватила Мурата за волосы, набросила на него покрывало и потащила в свои покои. Я толкала гадёныша в спину, пока мы не оказались за соседней стенкой. Джан мирно спал, раскинувшись на тюфяках, и я не выдержала — схватила кувшин с водой, стоявший у изголовья, и выплеснула всё содержимое мужу в лицо.

— Вставай! Вставай, или нас всех завтра повесят на рыночной площади! — закричала, окончательно срываясь.

Джан подскочил, отплёвываясь и протирая глаза. Увидев голого, рыдающего сына и моё перекошенное лицо, он не сразу сообразил, что произошло. Но когда я в нескольких рваных фразах описала увиденное, его маска сонливости исчезла.

— Он... он в-вошёл в неё? — аж вытянулся на два горшка муж, хватаясь за голову. — Осквернил невесту эмира в нашем доме! Иди сюда! Я тебя сеном напичкаю! Баран!

После нескольких грубых шлепков и пинков, Джан обмяк над скулящим Муратом. Плечи мужа опустились, и он потянулся к кувшину с недопитым вином.

— Как же я устал... — пробормотал он. — К иблису вас. Как взял тот шайтанский свиток, понял, что ничем хорошим всё не кончится. Пусть приходят, режут, вешают, да хоть берут силой. Не хочу решать, это не поможет, всё.

— Повтори? Не хочешь решать? — я вцепилась в его рукав, тряхнув. — Ты мужчина или старая беззубая лысянка? На кону наши жизни!

— Да что ты понимаешь своими куриными мозгами! — прорычал он. — Я просил тебя воспитывать его как родного! А теперь эта свинья подставила весь наш род! Вы едите из моих мисок, но не знаете, что такое уважение!

— Уважение? Будь у ребёнка отец или хотя бы понимание, как устроен мир, этого всего бы не случилось!

— Откуда тебе знать, как устроен мир? Живёшь в своих миражах, мечтаешь о том, как бы выбраться отсюда, ноешь, ноешь и ноешь. Ты не сделала ничего, чтобы полюбить этот дом, меня с Муратом. Ты неспособна любить, Ки! Сухарь и тот нежнее, чем твой стан самозванки!

Мы со всей накопленной обидой кричали друг на друга. Мурат выл в углу. Покои могли бы вспыхнуть от злостных

речей, если бы внутрь не ворвалась прохлада...

Дверь медленно отворилась. На пороге стояла уже одетая Лиандра — те же белые слои ткани, та же невозмутимость, только губы были чуть припухшими, а в глазах горел пылкий блеск. За её спиной маячил Ижи, чья рука неизменно лежала на секире. Моё сердце упало в пятки — если он видел, если узнал...

— Проступку юного господина даровано прощение, — голос Лиандры хлестнул, точно удар плети. — Молодость и глупость — опасная смесь, а дурман магии, которой он опутывал меня с самого приезда, оказался слишком силён.

Амаринка лгала. Перед глазами всё ещё стояла картина: «госпожа хлад» покорно раздвигала ноги. Пришлось молчать, хватаясь за каждое слово принцессы, как за спасительную верёвку, способную вытащить семью из смертельной ямы.

— Однако, — гостья шагнула вперёд, заставив Джана вжаться в стену, — безопасность рядом с мужчинами этого рода более невозможна. Путь в Орвимар под охраной тех, кто не властен над собственной похотью, запрещён.

Она перевела свой холодный, но расчётливый взгляд на меня. Улыбка?..

— Если хотите сохранить головы, Киара поедет со мной. Только она. Мы отправимся в столицу под охраной Ижи. Остальным разрешено остаться и молиться, чтобы я не передумала по дороге и не доложила трону о вашем ужасном

проступке.

Лиандра развернулась и вышла, оставив после себя шлейф тишины, в которой хотелось утонуть. Наверное, после подобных речей семьи берутся за руки и дружно прыгают с окна в горящий стог. Представляя это, я забывала моргать.

Джан и Мурат одновременно посмотрели на меня с гадливой смесью облегчения и никчёмности. Плюнуть бы в них обоих: в первого — за состояние Пер-Вилона и трусость, второго — за всё остальное.

— Убирайся, — процедил Джан сыну. — И не смей выходить, пока не разрешат. Я запрю тебя на сотню замков, если придётся.

Когда Мурат, спотыкаясь, ушёл, Джан вдруг сполз вниз прямо на колени. Он схватил мои руки своими дрожащими пальцами.

— Киара... свет моей жизни, жёнушка... спаси нас. Увези её подальше! Сделай всё, что она потребует, если это поможет. Клянусь, когда ты вернёшься, я исполню любое твоё желание. Хочешь личную казну? Хочешь новую резиденцию или наряды из рук великих мастеров Болинии? Ты будешь главной в этом доме, я больше слова поперёк не скажу! Только сохрани наш секрет... Милая, радость моя! Мудрее тебя женщины нет!

Смотря на макушку мужа, я чувствовала, как внутри что-то менялось. Страх никуда не ушёл, он всё так же сидел глубоко под рёбрами, но поверх него разливалось кипящее чув-

ство власти от безысходности. Будто я выпила целый чайник безвкусного чая: пресно, но тепло.

«Ошибки мужчин — это благодать для женщин», — подумала я, едва сдержав нервную усмешку. — «Сделать всё, что попросит принцесса Амарии? О Джан, если я и вернусь к тебе, то только по кусочкам».

Вчера я проснулась скучающей женой забытого наместника, тенью в захудалом городишке. Сегодня — единственная нить священного долга, на которой держалась жизнь этих бестолочей.

Пора собираться в дорогу. В корзину попало сменное бельё, сушёные финики и книги, в которых хранился спрятанный свиток с приказом и ароматной печатью — тугрой, частью подписи в форме замысловатой монограммы имени правителя. Как же оно правильно читается? А... Не понимаю. Почему они пишут свои имена на древнем языке?

В груди боролись два чувства. С одной стороны, внутри зудела тревога: а что, если Лиандра расскажет всё эмиру? Вдруг это ловушка, чтобы выманить меня из дома и казнить по дороге? Что, если госпожа решила таким способом повеселиться?

Но с другой стороны... впереди ждал Орвимар. Город тысячи куполов, где магия сыпалась с неба. Там золото блестело на крышах, на запястьях и в душах сильнейших аристократов империи. В книге писали: «...столица не знает тихих ночей, не приемлет кровь, пущенную без цели. Она бьётся

вместо сердца на огромном скелете Златогривого, чей жар столетиями коптит белый песок Орвимара».

Нужно защитить свою семью — этих похотливых, но во все не злых мужчин, которые заслуживали щелбан. Не виселицу. Но мне было совестно, ведь я делала это не из любви или привязанности, а из-за предвкушения нового приключения.

Во дворе слуги запрягли лошадей, а Ижи проверял колёса. Предрассветное небо окрасилось в кроваво-красный цвет. Лиандра уже ждала в карете, скрытая за плотными шторами. Я вдохнула холодный утренний воздух и шагнула вперёд, так и не оборачиваясь туда, где, я точно знаю, стояли Джун и Мурат, пытаюсь поймать моё внимание. Думаю, они хотели убедиться, что я справлюсь. Но будет лучше, если мы расстанемся без оглядок, иначе наш потерянный вид помешает иллюзиям спасения, в которые мы верили.

Глава 4: Рогатый город

Дневник наблюдений госпожи-путешественницы, день первый. Мы добрались до Лакуума. Город оказался чуть больше Пер-Вилона — такой же ветреный, нелюдимый и негостеприимный. Выяснилось, что принцесса «молчу-в-тряпочку» самолично сменила маршрут. Теперь карета качалась на узких тропах, барахталась в иле и замерзала в тени скал, мимо которых тянулись охраняемые караваны. Приходилось держаться поодаль, разводить костры лишь для ужина и не привлекать внимания. Ижи даже закутался в лохмотья бродячих зарков и обмотал лезвие секиры тканью.

Чутьё подсказывало: прячемся неспроста. Врагов империи и подстрекателей хватало везде. Можно только догадываться, через сколько рук прошёл мой драгоценный свиток, прежде чем перевернуть нашу жизнь в резиденции. Ижи не терял бдительности: в узких ущельях уходил на разведку, а по ночам нещадно гнал коней, чтобы к рассвету добраться до людных мест.

Мы никогда не отдыхали в караван-сараях, оставаясь в карете. Ижи приносил еду и воду. В последний раз он раздобыл веер и отдал его Лиандре. Теперь каждые полчаса перед носом плясало перьевое пятно, гоняя по кругу застоявшийся воздух. Попытки донести до принцессы бесполезность этого занятия разбивались о её обет молчания. На мои расспро-

сы же о том, почему нельзя остановиться в городе, оба лишь хмурились и отмахивались от меня, как от надоедливой саранчи.

Дорога превратилась в пытку. Города мелькали за окном кареты слишком быстро, оставляя только горечь от упущенного шанса. Нельзя влюбиться в новые пейзажи, видя от них скудные мазки.

После Лакуума показалась Сарда: костяк из жёлтого камня, наполовину поглощённый дюнами, где ветер выл в пустых глазницах минаретов. Мы миновали её на рассвете, пока жара не успела расплавить воздух. Затем пейзаж выцвел до мертвенной белизны — это стучал соляной город Тузлан. В памяти остался далёкий блеск кандалов и каторжане, чья кожа напоминала иссушённый пергамент.

К середине пути небо почернело от жирной копоти Хар-Шейма. Карету трясло на разбитых мостовых. Грохот кузнечных молотов бил по ушам; в горле першило от запаха жжёной серы. Но стоило спуститься в долины, как воздух наполнился сладостью. Феризан оказался дурмящим маревом из каскадов террас, обвитых изумрудным плющом, и смеха, доносившегося из-за высоких стен. Город манил так сильно, что хотелось выпрыгнуть на ходу.

Последним оказался Мерджан — преддверие рая или вечного забвения, я так и не поняла. В окна впервые ударил аромат морской соли и жасмина, а ветви карликовых пальм хлестали по дверце. Неужели в мире есть место ещё прекраснее?

— Госпожа, не молчите, — обратилась я к Лиандре, когда та в очередной раз закрыла окошко, скрываясь от жгучих лучей. — Почему взяли меня, а не Джана? Знаете, я тут задумалась...

Лиандра изнывала от духоты: часто дёргала ногой, шумно дышала и упорно отводила взгляд. Неужели само моё присутствие действовало ей на нервы? Отрадно видеть.

— ...опытный воин Ижи точно бы услышал ваши «стоны сопротивления». Хотя, каюсь, таковыми их назвать язык не поворачивается.

Принцесса топнула. В карете, казалось, стало ещё жарче. Забавно. Терять нечего: прибить могут в любой миг, так что хоть утолю любопытство.

— Госпожа, неужели вы поддались на чары Мурата? Ох, амаринку оказалось так легко впечатлить зарийской гордостью. Что бы сказали ваши родители? По этой причине мы петляем окольными путями? Вам... — я наклонилась вперёд, — стыдно за свою распущенность?

— Да помолчи ты, уши сохнут!

Ха! Получилось. Самообладание испарилось. Лиандра сбросила накидку, вытирая лоб, на котором остался след от тугой повязки. Она едва не разорвала никаб, швырнув его в угол. Недовольная принцесса сторбилась, забыв об осанке, и стукнула кулаком по потолку.

— Долго ещё? — громко спросила она. — Ужасная жара! Как вы здесь живете? Песок лезет в каждую щель, от сухо-

го ветра волосы превратились в веник, даже эти тряпки не спасли. — Она потянула за ворот. — А ещё ты... Глупость родилась раньше тебя, понимаешь? Сначала я даже поверила, что меня придушат в вашем захолустье. О боги, как хочется помыться... Если всё-таки доберёмся, будут мне в купели ужины носить.

— Почему вы решили, что мы хотели вас убить? Откровенно говоря — да, я была бы не против, но вы и так это знаете. Вы подставили нас той ночью!

Лиандра закрыла лицо веером. На миг стало жаль ровесницу Мурата, усталую девчонку с мягкими чертами лица и детской пухлостью в щеках. Ей выпала важнейшая роль, и я впервые засомневалась в нашей миссии. Почему принцессу не встретили адепты из Орвимара? Почему вспомнили о моём непутёвом муже? Отчего амаринка выглядела так, будто не ждала ничего хорошего? Она ведь символ долгожданного мира!

— Немного веселья напоследок, почему нет? — едва слышно сказала она. — Если уж проводить последние дни на чужой земле, то лучше в компании женщины.

— Не понимаю вас. Вы при смерти? Точно, крови в вас мало, бледная как кость.

— На себя посмотри, а лучше состриги куст на голове. Я тоже не понимаю, как среди знати зарков оказалась такая пигалица. Где твоя магия? Это ты больна, верно? Поэтому ваш город почти вымер? Хотя... когда я тебя раскусила, даже

полегчало. Ваша слабая семья не сможет мне навредить.

От её слов сразу поплохело. Если меня вычислила девчонка-иноземка, то при дворе раскусят прежде, чем я выйду из кареты. Прости, Джан, но моих сил не хватит, чтобы обмануть империю.

Лиандра долго смотрела на меня, ждала ответной грубости, возмущений или даже оправданий. Пускай сколько угодно пытается, если ей весело. Весёлая принцесса у трона эмира всяко лучше недовольной.

— Ладно, я добрее своей пятой старшей сестры, поэтому, когда тебя погонят из города, попрошу дать в дорогу гостинцев. Если к возвращению вашу дыру не заметут, угостишь мужа и сына столичным мёдом из разочарований.

— Вы так великодушны, — я скривилась на её насмешку.

Карета качнулась, и Ижи выругался непонятным словом, сидя на месте ездового. Мы остановились. Снаружи послышалось «Мы у врат».

Наконец-то!

Мало одного окошка, чтобы впервые увидеть Орвимар! С дороги!

Я рывком раскрыла дверцу и почти что вывалилась наружу, по обыкновению путаясь в бесконечных подолах.

— Ах!.. — выдох, полный немого восторга, сорвался с губ.

Передо мной предстало нечто, чего нельзя было вообразить. Только увидеть воочию. Мы стояли у подножия вели-

ких врат Орвимара.

Врат, созданных Великими Богами и самой смертью. Никакие арки не сравнятся с тем, что заслонило половину небес. Из светлого, похожего на оникс камня, в небо устремились два исполинских рога. Вершины этих древних костей склонялись друг к другу, почти соприкасаясь кончиками в зените. Настолько громадные, что я видела трещины, в которых гнездились птицы. Время, жара и солёные ветра Ревущего моря оказались бессильны перед мощью драконьих останков: рога выглядели так, будто чудовище лишь мгновение назад погрузилось в песок, оставив на поверхности свою грозную корону.

Значит, где-то в глубине, останки Златогривого покоились в песках Древней Зарии. Теперь мы — империя, и сегодня моё невзрачное тело пройдёт через ворота, как и тысячи других.

Глаза наполнились влагой: в вышине, дальше от костяного свода, в бирюзовом небе над городскими куполами кружили десятки воздушных змеев. Они походили на диковинных журавлей, а с их длинных хвостов, искрясь на солнце, сыпался золотой песок. Магическая крошка медленно растворялась в воздухе, не долетая до земли, и я вспомнила строки из книги: «...ступив на молочные земли, вдохните полной грудью и медленно идите в рогатый город. Королевские воздушные длани, летающие над крышами Орвимара, орошают священную землю магией. У лишённых божественного дара кружится голова, а аристократы сравнивают вход в столицу с лаской нежной руки. Почтенно поклонитесь стараньям эмира, ибо сейчас он — встречает вас как отец».

— Киара, закрой рот, а то походишь на умалишённую. Оставь эту интригу на потом, — раздался за спиной недовольный голос Лиандры, но даже в её тоне проскользнуло невольное почтение.

— Там море! — вскрикнула я. — Огромное... Мамочка, папочка, Дениз, вы видите это?

Вдалеке за частоколом белокаменных домов с яркими росписями и террасами, раскинулся Янтарный залив. Даже

отсюда я слышала гул прибоя, смешанный со звоном колоколов в порту и многоголосым шумом рынков.

— Поехали, — приказала Лиандра. — Ижи, силой засунь её обратно, если потребуется.

Теперь я высунулась из окошка: пролезла голова и одно плечо. Нас окружало много карет и повозок, стягивающихся к главной дороге. Я улыбнулась, когда смуглый старик помахал мне в ответ, сняв соломенную шляпу.

Впереди кто-то зашипел.

— Это они!

Навстречу бежали адепты храма Шан-Ора. Отряд магов восседал на пустынных рысях — огромных, длиннолапых созданиях, чьи худосочные тела по размеру превосходили лучших скакунов империи. Массивные кисточки на ушах подрагивали, а бег рассекал воздух столь стремительно и грациозно, что я боялась моргнуть, лишь бы не упустить рывок кошачьих господ. Не верится, что дохленькие лысянки произошли от них!

Адептов разглядеть не удалось, только золотые маски в форме кошачьей морды, ослепившие меня солнечным бликом.

— Наверное, отправились на задание от эмира...

— Нет-нет, что ты. Тебя бегут встречать, — ворчали сзади.

Карета нырнула в чрево столицы. Глаза разбегались, всё норовя ухватиться за каждый интересный образ, чей-то

смех, роскошное платье или даже невольный жест. Орвимар сродни волне, рухнувшей посреди пустыни — негде спрятаться, но можно затеряться во всевозможных запахах, звуках и разговорах. Мы проезжали мимо многоэтажных домов и стен, украшенных витиеватыми узорами; миновали сады и виноградники, разбитые прямо среди городских кварталов; видели каналы, несущие живительную влагу к огородам. На площадях игрались детишки в простых одеждах, скача на палках с мордами рысей. Из окон богатых домов выглядывали аристократы, посылающие воздушные поцелуи с помощью магии.

Вот мастер по дереву вывез внучке диковинный инструмент на колёсах! Она уселась на сидушку, дёрнула за рычаг, и позади раскрылись маленькие паруса. С помощью магии юная эфенди вздыбила пыль и поехала вперёд. Чуть не врезалась в толпу нарядных дам, щебечущих о каких-то выразительных прелестях Давида, стоило ему одеться в шёлковый костюм на размер меньше. А та почтенная старушка вела на цепочке огромную странную ящерицу с шипами на спине!

Но чем ближе мы подъезжали к центру, тем строже становился пейзаж: цветастые палатки и вывески остались позади, как и городской гомон. Перед нами выросли стены сераля — личных владений эмира. Костяной дворец стоял поодаль, огороженный высокой стеной. Огромный, как отдельный город внутри города! Построенный из драконьих костей: белые здания, сияющие, местами с тончайшей резьбой, как круже-

во на нарядах аристократов. Владения династии напоминали призрачные силуэты на фоне лазурного моря.

На входе нас остановили.

— Как это — не ждали?! — Лиандра едва не сорвала никаб от возмущения, переговариваясь с Ижи через окно.

— Такие у них порядки, моя госпожа. Я уже поговорил с их воинами, нас скоро пропустят. Мы быстро добрались до рогатого города.

— Если они сейчас относятся с таким пренебрежением к принцессе Амарии, то как нам выстроить доверительные отношения с эмиром?

Тогда я предложила:

— Попробуйте свою верную тактику. Возьмите с кем-то из его семьи, вдруг поможет.

— Киара, советую тебе оглядываться. Надолго ты здесь не удержишься, — Лиандра сузила глазки, проведя пальцем по горлу.

Верно. Эта поездка — путь к моему смертному приговору. Так или иначе, нужно хорошенько всё разглядеть напоследок.

— Правила едины для всех, госпожа, — бесстрастно отозвался Ижи, хотя я видела, как он бегло осматривался. Волновался.

Ворота распахнулись. Мы въехали в первый двор — Двор янычар⁷. Настроение здесь разительно отличалось от весё-

⁷ Религиозно-просветительское и учебное заведение второй ступени (после на-

лого Орвимара: повсюду воины несли вахту, несколько лучников устроилось на стене и башенках. Рядом тянулись вереницы верблюдов, гружённых оружием и тюками с налогами — золотом и пряностями. Десятки людей разного звания сновали туда-сюда, но при виде королевских янычар, застывших каменными статуями в высоких тюрбанах, будто пригибались ниже.

Взгляд зацепился за громадное дерево, раскинувшее свою крону в центре двора. Под ним стояли два коротких каменных столба. Я сглотнула, заметив на песке тёмные пятна. Память услужливо напомнила о словах Джана после очередной пьянки: он рассказал о врагах правителя, чьи головы после казни помещали между их собственных ног для пущего позора.

— Приготовься, Киара. — Лиандра поправила воздушное платье, скрыв дрожь. Однако её спина оставалась прямой, словно внутрь вшили железный прут. — В этом дворце случаются страшные вещи, о которых ты даже и не догадываешься.

— Страшные вещи? Какие? Ваш приезд?

Ответа не последовало. Мы миновали внутренние дворы, проносясь мимо изящных построек, спрятанных за очередными воротами со стражей. Перед выходом я набрала побольше воздуха в лёгкие, чувствуя ноздрями тропическую нотку, наверное, королевских садов. Именно эта свежесть и

заставила меня сделать первый шаг.

В шеренгу выстроились янычары, держа копья и походя на дышащих статуй. Даже не взглянули, кто к ним вышел. На широких грудинах красовалась кожаная броня с тугими стяжками, а наконечники тонких копий поблёскивали строгостью своих хозяев. К нам вышли нарядные люди, улыбаясь и неся подносы с финиками в шоколаде.

Они приблизились и ласково спросили, как мы доехали, хотим ли чего-то выпить, обращались ко мне уважительно и даже кланялись. Тогда я не выдержала:

— Ох, что вы! Не волнуйтесь, всё просто великолепно.

Почувствовав на себе чужие взгляды, я осознала ошибку: всё это время встречающие смотрели вовсе не на меня, а поверх плеча. На принцессу.

— Это кто? — шепнул один из них.

— Не знаю, обслуга? — ответил другой. — Да, одета как служанка.

Немедля я склонила голову и отошла на несколько шагов в сторону, всё разглядывая самое приличное платье, кото-

рое приготовила для выхода в свет. Вот бы провалиться в зыбучие пески. Повезло, что теперь всё внимание подарили принцессе, а про деревенщину с окраины все благополучно забыли.

Напоследок Лиандра подарила мне тихую усмешку. Не подавитесь своим ядом, госпожа.

Дворец огромен: уже сейчас вдалеке я рассмотрела острую крышу местного храма-школы, медресе, в которой учились адепты; заметила набитые продовольствием повозки и ругающихся погонщиков, чьи верблюды сцепились у всех на виду.

— Шельма, чего встала?! — восклицал кто-то рядом. — Очнись!

— Вы мне? — вздрогнула я.

— Шевелись за своей госпожой! У вас там на родине все такие замороженные? Или хочешь ночевать в сараях с другими рабами? В этом случае за твою сохранность я не ручаюсь.

— Другими рабами? Пойдите, я не...

Мою руку бесцеремонно схватили маленькие, но сильные ладошки какого-то мужика в светлом тюрбане с кисточками. Ростом мне по плечи, но сильный, шайтан. Ворчал, тянул меня подальше от дворцовых врат, а я неловко перебирала ногами, наступая на его сандалии.

— Да погодите! Я не рабыня! — удалось вырваться из лап карлика-диктатора.

— А я в таком случае Царица Пышногрудка. Проклята, служу династии Сакарья. Меня ведь можно расколдовать. Поможешь? — мужичок поманил меня пухлым пальчиком, и я невольно наклонилась.

— Как?

— Поцеловать в зад! И отметитья у Назиль-аль-Касра. Лучше начать со второго.

— Я не рабыня! Отпусти, мелкий плут! — не выдержала я, толкнув проходимца в спину. Тот не ожидал атаки и повалился на колени, стукнувшись подбородком. — Ох, я не хотела так сильно...

Его прищуренные глазёнки, объятые выразительными мешками от недосыпа, заставили меня сделать пару шагов назад.

— Ты, шельма! Прикажу уложить тебя спиной на землю, поднять жердями ноги и как следует выпороть ступни деревянными прутьями! Толщиной с палец! У тебя так сильно ноги распухнут, что ты будешь с трудом передвигаться!

— За что?! — спохватилась я, представив позорное наказание в день прибытия.

— Кто орёт бешеной чайкой и смеет нарушать покой Костяного дворца?

Появившийся мужчина в сопровождении двух служанок заставил всех замолкнуть. Его голос, не лишённый утончённости, впрочем, как и его черты лица, звучал умеренно властным. В двух терракотовых косах, свисающих поза-

ди, блестели золотые украшения с разноцветными камнями. Несколько прядей выбилось, и ещё я заметила пёрышко, торчащее из-за уха. Одежда казалась дерзкой для жизни в серале: белая рубаха чуть ниже колен с широкими рукавами и плетёный пояс, подпирющий полуоткрытое туловище. На руках — множество браслетов, а ноги обвивали золотистые змейки, тянувшиеся из подошвы сандалий.

Засмотревшись на россыпь родинок, облепивших шею и щёку незнакомца, я не сразу заметила, как грубиян, которого я толкнула, рассыпался в поклонах.

— Закария-ага, виновата нахалка!..

Неужели это *он*? Я вторила коротышке, согнувшись перед, очевидно, кем-то важным. Не так я представляла эмира, но почтение была обязана выказать.

— Назовитесь, — спросил красавец.

— Киара Бозкурт, жена наместника Пер-Вилона. Приехала с принцессой Лиандрой по приказу эмира.

— Кого-кого? — карлик поднялся, отряхнулся и оглядел меня, отчего-то скорчась так, будто ему коровье копыто в нос ударило. — Жена наместника? Чего вы сразу не сказали, госпожа? Простите вашего слугу, Закария-ага. Обычно жёны наместников не одеваются так скромно.

Некий Закария-ага, всё ещё хмурый и сосредоточенный, кивнул и махнул в сторону. Мне понравилось, как звенели его браслеты.

— Вы всё-таки приехали, — устало заключил он. — Воз-

никло недопонимание, надеюсь, вы не сердитесь? Или желаете, чтобы я кинул под плеть этого мелкого негодяя?

— Нет, не нужно. Я...

— Пер-Вилон, значит? Где это?

— На границе Вилонской пустыни, мы...

— Как вы добрались так скоро? Нам не доложили, что вы посещали города Великого Гребня.

Попалась. Если я сейчас расскажу, что принцесса самовольно изменила маршрут, то могу показаться в невыгодном свете. Чем больше скажу, тем сильнее подведу к причине, почему мой муж не поехал с нами. Нужно быть осторожнее.

— Понимаете... — как можно спокойнее начала я. — Наш город часто страдает от нападений амаринцев. Муж остался там, чтобы помочь с восстановлением. Он приказал изменить маршрут и послать меня с принцессой, под защитой её «второго клинка». Мы ехали скрытно, чтобы не нарваться на недругов. Всё-таки род Бозкурт нёс ответственность за госпожу Майши-Ро.

Закария-ага хмыкнул, отведя взгляд в сторону. Одной из служанок он приказал: «Скажите визирю отозвать третий отряд, пока они недалеко», затем прищурился и осмотрел меня с таким же недоверием, как его помощник-коротышка. Надеюсь, Закария-ага не станет выворачивать мою кисть?

— Послали не самую глупую.

— Не знаю, их вроде в семье много.

— Забудьте. Меня зовут Закария, я управитель, На-

зиль-аль-Каср. Под моим началом служит две тысячи человек. Смело обращайтесь к моим людям, если вам что-то потребуется. В моём распоряжении сторожа, стража у ворот и на других площадках. Мои люди патрулируют небольшие порты вокруг Янтарного залива, я командую почётным караулом эмира, повелеваю обслугой, конюхами и барочниками. С недавних пор отвечаю за остатки гарема.

— Спасибо, я...

— Шелуха надутая!

— ...

— Почему он здесь?!

Закария-ага крутанулся и помчался в сторону вереницы людей, которых вёл седовласый моряк. Треугольная шляпа с имперской вышивкой, сабля с рукоятью, обмотанной морскими узелками из жёсткого уса летающей рыбы, высокие сапоги — точно моряк! Прямо как из моей книжки! Он вёл за собой молодых девушек.

— Аарон, старый пёс, ты не получал змею?! — недовольно поприветствовал его Закария-ага.

В кучерявой седой бороде родилась натянутая улыбка:

— Ай, не вопи. Если твои черви не научились плавать, то нет. Я задержался в северном заливе Улах-Мата, сам понимаешь, там женщины из койки ночами тебя не выпускают, — моряк подмигнул управителю. — А, ты же и не понимаешь. Хотя в Албании я видел мужчин в юбках, но их дубины ого-го!

— Аарон, предупреждаю... — Закария-ага сжал кулаки, и мне показалось, что он хотел вдарить по расплывчатому лицу, на котором налипли отёки от солнца и частых корабельных пьянок. Даже сейчас нос Аарона был краснее, чем волосы управителя.

— Ладно-ладно, не напрягайся, не дай дракон развяжется. Смотри же! Дюжина молодых красавиц со всех сочных концов мира. Я умудрился отхватить даже парочку славянок, так что обрадуй нашего господина. М-м-м... все как на подбор! Повыше, пониже. У одной бёдра точно семерых родят, у второй груди, что этих семерых прокормят.

Подойдя ближе, я увидела девочек в кандалах. В гарем эмира привозили самых красивых женщин со всего света. Они смиренно стояли друг за другом, изредка переглядываясь глазками загнанных в угол молодых овечек. Сколько им лет? Хотя бы больше тринадцати? Кожа разных оттенков, сутулые, со спутавшимися волосами и грязными ногами, одетые в рванину.

Закария-ага всё чаще стучал пальцами по бокам, впиваясь взглядом в капитана.

— Почти весь гарем распустили. Приказ эмира. Прошлых фавориток разогнали, так что всех их, — управитель указал на девушек, — нужно увести. Не доставляй проблем, Аарон.

— Ха, во новости. Я доставлял удовольствия для этого дворца ни один десяток лет. Слухи не врут? Новый эмир настолько нелюдим, что даже не ложится с женщинами? Стыд

какой.

— Следи за своим языком, пёс. Иначе я прикажу вырвать его и повести тебе на шею, как украшение. Будешь снимать его, когда нужно будет подлизать шлюхам из Улах-Мата.

— Годков-то хватит на меня пойти, мальчишка? Мой отец привёз тебя в кандалах, а я могу увезти в мешке.

Я испугалась за управителя, ведь Аарон был в два раза шире, а Закария-ага не походил на воина, хотя и высоким ростом его не обделили. Тем более всюду янычары. Драки же не будет?..

Эти двое взглядами посылали друг друга в самые неприличные места. Нельзя же так ругаться, мы все здесь заодно!

А воины даже не шелохнулись, когда Аарон грудью пошёл на Закарию-ага. Управитель серьёзно предупредил:

— Ещё шаг, и я сошлю тебя азапом⁸ на самую гнилую галеру.

— Сколько соколов ради этого залезут под твою юбку, мальчишка?

— Господин! — крикнул кто-то из служанок.

Никто не успел среагировать, увлечённый перепалкой. Одна из рабынь подскочила к Аарону, вытащила кинжал из его сапога и с рёвом набросилась на моряка. Тот аж выгнулся назад, когда на шее повисла вопящая девочка.

— Сволочи! Сволочи! Не трогайте меня! — требовала ра-

⁸ Религиозно-просветительское и учебное заведение второй ступени (после начальной школы).

быня.

— Скотина! — Аарон прошипел, придушенный её захватом, и с размаху дал рабыне локтем в лицо.

Удар пошатнул её: кинжал упал под ноги, а зубы окрасились алым в оскале, полном злобы.

— Не лягу под Тень Империи! Не лягу! — почти ревели девочка, схватившись за нос, из которого сразу полилась кровь.

Она потянулась за кинжалом, и Закария-ага крикнул: «Не надо!»

Поздно. Поняв, что капитан будет ей не по зубам, рабыня напала на жертву помельче, приложив острое лезвие к дрожащему горлу.

Моему дрожащему горлу.

— Отпустите меня, иначе я прирежу её! — раздалось над ухом.

Дневник наблюдений госпожи-путешественницы, заключительный день. Нет, я, конечно, не самая обаятельная девушка, и на тёплый приём я не рассчитывала, но и под нож ложиться не планировала. Шайтан! Лучше бы пошла с тем карликом. Всяко лучше, чем стоять под прицелом янычар-лучников в роли заложницы.

Глава 5: Человек в маске

Когда по шее потекла капля крови, первой мелькнула мысль: «Как девчонка выбралась из кандалов?» Я присмотрелась. Оказалось, её лодыжка опухла и покраснела, значит, вывих несвежий, но бежать она додумалась только здесь. Из самого охраняемого места во всей империи. Далеко пойдёт.

Со второй каплей крови, бегущей по коже, я возжелала: «Сломайте ей вторую лодыжку! Может с силой наступить на больную?» — но я боялась, что рука рабыни дрогнет и лишит нас жизни.

Янычары-лучники не атаковали. Закария-ага дал чёткий приказ: «Не стрелять». При этом управитель оставался спокойным, только вытянул ладонь вперёд и призывал сдаться. Плохо слышно, ведь рядом постоянно хрипела рабыня и повторяла как мантру: «Тень Империи опасна. Не лягу, лучше умереть... Надо выбирать. Сбегу в храм, там меня поймут».

С возмущённым ором в переговоры вступил Аарон:

— Прострелите ей башку! Устроили цирк под окнами эмира, позорище.

Как хорошо, что Аарон — моряк, а не дипломат.

— Обещаю, что тебя выпустят из дворца, но снаружи никто не поможет, — эхо растаяло, и речь управителя прояснилась. — Отпусти девушку. Медленно.

— Где наш Великий Визирь? Пропускает такие важные переговоры, — хохотнул Аарон, за что получил тычок от Закарии-ага. — Надо было кинуть девку в пучину, когда она покусала моих ребят.

— Все как на подбор, говоришь? Брехло. — Закария-ага повернулся к моряку и стал его отчитывать, пока тот размахивал руками и жаловался на скудный улов в период мирного затишья.

Можно долго слушать, что без завоевания новых земель тяжело сыскать дюжину достойных красоток, но хотелось бы дожить до заката. Поэтому я вежливо откашлялась, чтобы не быть навязчивой:

— Не могли бы вы...

Мужчины не услышали жалобный писк, всё больше распыляясь в ссоре.

— Прости, я уведу тебя с собой! Единственный шанс! — сказала рабыня и схватила меня за волосы. Неудачно дёрнувшись, она оставила рану на моём подбородке.

Не успела я скорчиться, как тело девочки, что мгновение назад потряхивало от волнения, застыло. Затылок обожгло жаром. Затем холод. Необычный озноб! Она замерзала? Здесь? Необъяснимый холод переходил на мои плечи и спускался по спине, напоминая чьи-то призрачные касания. Острые касания. Я сжалась в нервный шарик, потому что ощутила присутствие чего-то странного. Пугающего.

Рабыня вдруг обмякла, её хватка ослабла, но кинжал всё

ещё дрожал рядом.

— А-а-а! Мама? Ма... Простите! Я не хотела сбегать! Ма! Не трогайте! Я всё верну! Молю! — её бессвязная речь и мольбы о прощении сбили меня с толку. Что происходит?

Бормотания о детстве, лицах, которые её пугали... Нет, она говорила с этими лицами, будто они стояли перед нами. Всхлипы, отрывистая речь, сильная одышка и неподдельный страх убедили меня, что она больше не видела никого вокруг.

Рабыня сжимала рукоять кинжала побелевшими пальцами. Она тарацилась в пустоту прямо перед собой, и я догадалась: впереди, только для неё, находилось нечто ужасное. Тогда я спокойно отошла и увидела, как она затрясла головой, и её зрачки расширились, скрыв радужку.

Без видимой причины она замахнулась и нанесла себе первый удар кинжалом в плечо, истерично рыдая. Затем второй — в живот. Я инстинктивно отпрянула, навсегда запомнив широко открытый рот и её истошный вопль.

— Хватит! Не хочу видеть! — она била себя по голове, в раненый живот, пыталась выдавить глаза большими пальцами, но замирала, когда незримое видение с новой силой сводило её с ума.

Когда она принялась раздирать раны, погружая в них пальцы, ко мне подкатила тошнота. Рабыня рухнула на колени, затем повалилась на спину. Тело забилося в судорогах. Спина выгнулась под захватом невидимых цепей. Паль-

цы двигались неестественно быстро, точно у музыканта, терзающего струны. Из рта обильно потекла белая пена. Губы ещё шевелились, и, стоя ближе всех, я различила: «Мучитель, пощади».

— Нужно помочь ей! Скорее! — я обернулась, но янычары стояли неподвижно. Аарон и Закария-ага тоже не шелохнулись, всем видом показывая, что не вмешаются. Они равнодушно наблюдали за агонией, походя на строгих учителей, вынужденных присутствовать на скучном уроке.

Притянутая этим жутким зрелищем, я подошла ближе. Невероятно! Светлые глаза меняли цвет, наполняясь серостью, словно в глазное яблоко изнутри капали чернилами. Мутный, окончательно мёртвый взгляд...

«Кто это сделал с тобой?» — осмелюсь ли я когда-то спросить об этом? Позволят ли мне?

Закария-ага взял меня за локоть. Его пальцы были сухими, в то время как мои ладони взмокли.

— Идёмте, госпожа Киара, — произнёс он ровным тоном. — Сохраняйте спокойствие. Не позволяйте этому происшествию омрачить ваш первый день в серале.

«И помни: в этом дворце случаются страшные вещи, о которых ты даже и не догадываешься».

Не думала, что вспомню слова Лиандры так скоро. Это правда, принцесса. Закрались невольные мысли: хочу ли я идти дальше, если при дневном свете творилось нечто подобное? Что переживали эти залы ночью, окутанные тенями?

Закария-ага повёл меня прочь. Напоследок я оглянулась: двое из сторожей уже подхватили тело рабыни за руки и ноги. Аарон стоял в стороне; он достал трубку, неторопливо набил её табаком и закурил, глядя на размашистую крону дерева. Впервые он выглядел по-настоящему серьёзным. И эта реакция напугала больше, чем смерть девочки.

Мы прошли несколько коридоров, которые из-за шока не удалось рассмотреть, и вот управитель открыл дверь покоев.

— Служанка будет неподалёку. Можете обращаться к ней, но попрошу не покидать стен дворца, пока повелитель не будет готов вас принять.

— Закария-ага! — я придержала дверь. — Что это там случилось? Во дворе... Кажется, я ощутила нечто зловещее.

— Всего лишь сквозняки, госпожа. Отдыхайте.

Оставшись одна, я прижала руки к груди. Сердце колотилось от возмущения из-за столь снисходительной лжи.

— Семь лет жила среди сквозняков и знаю... это были не они.

Гостевые покои располагались на первом этаже. Меня по-

селили в небольшой комнате. Прямо в стене находились шкафы для хранения узлов с бельём и одеждой. Матрасы, ковры и подушки, на которых я должна спать, сейчас лежали свёрнутыми. У небольшого окошка стоял каркас кровати из ремней, натянутых на пальмовые колышки. Для личных вещей выделили две корзины и низкий столик с выдвижным ящиком, зеркалом и гребнем. На полу — кувшин с водой и горшок, из которого торчало палкообразное растение со светло-зелёными соцветиями.

Снаружи царило спокойствие: слуги кивали сторожам, летали чайки, шумели кусты. Никого не волновала недавняя смерть. Муж всегда ругал меня за любопытство, но как я могла сдержаться?

— Если подумать, здесь я госпожа. Они же не могут запретить прогулки? — на подоконнике стояла мисочка с репчатым луком — видимо, оберегом. Я проколола в нём два «глаза» и доверительно спросила: — Как считаешь?

Лук молчал — значит, согласился. Проверив никаб и спрятав книги в ящик стола, я вышла в коридор. На удивление, никто не попытался скрутить меня. Окрыляла мысль, что Лиандра не выдаст правду о Мурате, ведь эмир наверняка накажет и её за подобное «непотребство».

Коридоры дворца оказались широкими, расписанными сложными иллюстрациями тюльпанов и гвоздик, либо многослойными узорами арабесок. Геометричные своды уходили вверх и терялись в потолочной лепнине. На потолке ви-

сели пузатые лампы, правда, сейчас они светили тускло. Гуляя, я вставала на носочки и принюхивалась, если замечала струйку дыма, спускающуюся откуда-то сверху. На пути попадались слуги, но никто меня не окликал или пытался задержать. Дойдя до широкой лестницы, ведущей на второй этаж, я засомневалась, могу ли подняться.

«Ничего. Я гостя. Если якобы заблужусь, никто не будет ругаться, правда же? Притворюсь недалёкой, постреляю глазками и скроюсь», — решила я.

Наверху оказалось куда красивее. Под потолком колыхались струящиеся ткани, подгоняемые ветерком из резных створок. «Волны» белоснежного моря жили здесь по приказу эмира, невероятно. Повсюду стояли растения в вытянутых или пухлых горшках, висели картины и пергаменты со стихотворениями. На портрете одного военачальника я и вовсе замерла, поражённая доспехами адептов-магов. Никогда не видела настолько устрашающей красоты! Броня из тёмной кожи, металла, пятнистая шкура на плече, сабли с золотыми рукоятями, маски...

«Один из двенадцати военачальников армии Шан-Ора, Рахма Айсек...» — прочла я на табличке. На смену восторгу пришла тоска. Если бы хоть один такой воин оказался в Пер-Вилоне во время набега, амаринцы возвращались бы домой по кусочкам.

— Необходимо это прекратить! — грубый голос заставил вздрогнуть и прижаться спиной к портрету. Простите, гос-

подин Рахма.

Послышался грохот, будто кто-то ударил кулаком в стену.

— Как прикажешь это контролировать?

«Знакомый голос... Пойдите-ка! Это Закария-ага! С кем он?» — я на цыпочках прокралась вперёд, понимая, что за поворотом управитель с кем-то ведёт жаркую беседу. — «Даю сто фин: они обсуждают ту рабыню».

— Перестройка уже достаточно пошатнула дворец, сейчас нужно делать всё аккуратно. Нам не нужны поводы для новых пересудов, — сказал незнакомец крайне недовольным тоном. — Будь строже, Закария! Мягкотелость в политике приводит к проигрышу, а сила...

— Избавь меня от своих поучительных речей. Господину сейчас нужны покой и понимание, а не твои суровые реформы. Ты видел, что произошло сегодня!

— Его вседозволенность приведёт к краху. Весь город шепчется.

— Прикажешь грозить пальцем у пасти бешеного тигра? Я лишусь руки. В лучшем случае.

Почти не дыша, я выглянула из-за угла. Закария стоял спиной, а перед ним — мужчина, выше и плечистее управителя. Рассмотреть больше не удалось: пришлось спрятаться.

— Не позволю, — тише ответил незнакомец. — Сам поговорю с ним.

— Только не сейчас, болезнь обострилась...

Голоса затихли. Вдруг стало подозрительно скользко.

«Боже!» — едва сдержав крик, я уставилась на змею, ползущую возле лодыжки. Толщиной в руку воина, она извивалась, специально касаясь кожи. Песочная шкурка поблёскивала, глаза-жемчужины смотрели вперёд. Нельзя шевелиться! Неужели здесь не травят паразитов?

Когда змея уползла к мужчинам, я выдохнула, но радость оказалась недолгой.

— М-м? Кажется, мы здесь не одни, — хмыкнул управитель.

— С дороги! Любопытной мыши пора оторвать уши.

«Как они?.. Нет! Нет! Нет! Срочно бежать!»

Меня так напугали грозные шаги, что я побежала искать укрытие. Глупый вид в этот раз не поможет. Кое-как подобрала под себя эти шайтанские подолы, несясь куда только можно. Уверена, все портреты смотрели с осуждением, пока я бежала по коридорам, сбив парочку цветочных горшков.

В голове уже роились мысли о наказании: оторвут уши, отхлестают ноги, святой дракон, да что же за место пыток?! Шаги всё приближались! Тот человек уже совсем близко. И по его дерзкому тону, когда он разговаривал с Закарией-ага, я догадывалась, что обычным выговором мне не обойтись.

«Сюда!» — я толкнула случайную дверь.

Удача! Да уж, надо найти уличную лотерею. Выжила при нападении, ещё и успешно скрылась от наказания. Грех не подкинуть в кошель пару медных монет. Куплю себе затычки для ушей, чтобы не подслушивать.

Я закрыла створки, и тьма комнаты мгновенно поглотила меня. Всё из-за плотных, тяжёлых штор, что были наглухо занавешены, пропуская лишь тоненькую полосочку света, на которую я и решила ориентироваться. Стоило шумно выдохнуть, как изо рта вырвалось облачко белого пара.

«Холодрыга. Это из-за расположения комнаты? Вообще дворец сделан из драконьих костей, наверное, это нормально...» — неосознанно я потёрла ладони, пытаюсь их отогреть, но холод уже пробрался под одежду.

Осторожно двигаясь вперёд, я старалась не шуметь, но под туфлями что-то хрустнуло. На полу валялись обломки керамики, чьи-то личные вещи, а от стен кусками отвалились куски засохшей обмазки, обнажая светлую кость основания здания. В центре комнаты, в полном беспорядке, лежали горы подушек и расшитых одеял, будто кто-то пытался соорудить здесь гнездо или просто в ярости сбросил всё на пол.

Хотелось забиться в угол и переждать, пока шаги преследователя не стихнут, но вдруг у окна кто-то пошевелился.

Из кресла медленно поднялся мужчина, от чьего вида я попятилась, выставив руки вперёд. Его высокая фигура, за-тянутая в длинные чёрные халаты с бездонными рукавами, почти сливалась с мглой, разбавленной дымом тех самых благовоний, которые я учуяла на первом этаже — очень горький и удушливый травяной аромат. Под одеждами я не сразу разглядела тёмно-бронзовую кожу незнакомца, не заметила длинные, чуть волнистые волосы, что ниспадали на плечи, теряясь в складках тканей. Верхняя часть лица скрывалась за странной чёрной маской с тонкими, едва заметными золотыми полосами. Не понимаю, удивлён этот человек или рассержен, ведь я смогла разглядеть только аккуратную щетину и коротко подстриженную бороду.

Чем ближе он подходил, тем сильнее я задыхалась. Но когда он остановился рядом, глядя прямо на меня, не произнёс ни слова.

— Простите... — я запнулась, чувствуя, как дрожал голос. — Я не хотела мешать. Вы, должно быть, адепт? Я сейчас уйду, только...

Снаружи, прямо за дверью, слышались приглушённые голоса нескольких людей. Тревога снова сдавила горло. Я быстро прижала указательный палец к губам, скрытым под тканью никаба, и умоляюще посмотрела на мужчину.

— Пожалуйста, не выдавай меня, — прошептала я как можно жалобнее, переходя на «ты».

Адепт медленно, с достоинством уставшего льва, повторил мой жест. При этом его лицо осталось безразличным, ничего не дрогнуло! Его рука поднялась, и я чуть отпрянула, увидев чёрные когти вместо пальцев. Он также коснулся губ, точь-в-точь повторяя за мной, только если бы все мои чувства кто-то иссушил.

Мы ждали. Обстановка в комнате становилась невыносимой. Станный холод, тишина и этот неподвижный человек в чёрном вызывали у меня интуитивный ужас. Я старалась не смотреть ему в глаза, потому что за прорезями маски видела лишь две пустые ямы, в которых ничего не отражалось. Как у мертвеца, которого посмели разбудить и вытащить из казённой могилы.

«Почему он не двигается? Не говорит? Стало быть, хранит какой-то священный обет молчания? Нет, надо выбираться отсюда, что-то здесь нечисто».

Балкон! Решено. Сейчас это мой единственный путь к отступлению.

— Я только воспользуюсь вашим окном, — пробормотала я, суетливо подходя к стене. — У вас здесь очень... свежо. И обживание, вижу, затянулось.

Я схватилась за край длинной шторы с желанием закутаться в неё и броситься вниз, лишь бы подальше отсюда. Ткань прочная, отлично! Адепт молча наблюдал за мной, не пытаясь ни помочь, ни помешать. Даже когда я нагло отцепляла штору от карниза.

— Обычно я не лажу по балконам, — я продолжала болтать, чтобы заглушить нервный стук сердца. — Просто сегодня выдался крайне насыщенный день. Во дворце столько правил, знаете ли... Даже повседневная прогулка может обернуться риском для жизни.

С натянутой усмешкой я распахнула балконную дверь, и в комнату ворвался тёплый воздух Орвимара. Но даже он не смог победить ледяное дыхание этого странного места. Я быстро обвязала штору вокруг балюстрады, прочно затянув узел.

— О, не переживайте! Я умею плести крепкие узлы. Когда Джан сажал меня под домашний арест... — «Что я несу? Молчи!» — Ах, неважно! Вот и всё. Хорошего дня, господин адепт. Надеюсь, ваш обет скоро закончится. — «Будь немым навеки, пожалуйста!»

Проверив крепость узла, я вытащила одну ногу через перила. Невысоко. Первый этаж находился всего в паре человеческих ростов под моими ногами. Я уже почти соскользнула вниз, удерживаясь за ткань, как вдруг почувствовала рывок.

Мужчина шагнул вперёд с пугающей скоростью, и я зазмурилась, думая, что он меня вытолкнет.

— Что вы!..

Его рука грубо схватила край моего никаба. Раздался звук рвущейся ткани, и он сорвал покрытие, чуть ли не царапнув щёку острыми когтями.

Я замерла, повиснув на шторе с приоткрытым ртом. Ткань

соскользнула, полностью обнажая моё лицо и растрёпанные волосы. Для замужней женщины оказаться в таком виде перед чужаком было равносильно позору не только для неё самой, в первую очередь — для мужа. Щёки точно побагровели от стыда, а волосы небрежно разлохматились; я походила на заросшую каракульскую кудрявую овцу. Нет, если быть откровеннее, я чувствовала себя мышью, которую кот унижительно прижал лапой к полу за хвост.

— Так делать нельзя! — выкрикнула я, захлёбываясь от возмущения и стыда. — Тебе следует поучиться манерам! Это недопустимо!

Поддавшись обиде, я шлёпнула негодяя по руке и быстро спустилась по шторе, едва не подвернув ногу в мягких туфлях-тапочках. Оказавшись внизу, я задрала голову. Никаб, теперь бесполезный надорванный кусок ткани, намеренно бросили мне под ноги. Грубиян на балконе даже не задержался, чтобы извиниться. Он развернулся и ушёл вглубь своей ледяной комнаты, с грохотом захлопнув балконную дверь.

— Безумец! — я зашипела от злости, подняла испачканный никаб с пола и попыталась привести себя в порядок. Сердце всё ещё колотилось от несправедливого унижения. Оглядываясь по сторонам, чтобы никто из слуг или, упаси Златогривый, господ, не увидел меня без покрытия, я быстрым шагом направилась в сторону своих покоев.

Глава 6: Худая девочка и капуста

В каждом ветхом домишке окраинной деревни, будь то жилище мастера по металлу, чинящего инструменты для местных райя⁹, чтобы те не оставались без работы, или хлипкий сарай, где спали дети рабов с бастардами, — везде выкапывали яму, накрывая её деревянным настилом. Ночами туда складывали мясо, а те, кто потрусливее, прятали всё ценное. Наша яма пустовала. Лишь однажды я припасла там горстку шоколада, подаренных отцом на день рождения, но благополучно о них забыла. Мои сокровища съели тушканчики.

Мама говорила, что в яму прятались, если приходила сильная пыльная буря. Однажды подружку схватил колючий шквал, от которого на коже появлялись ранки, и выплюнул её недалеко от границы.

Взрослым хорошо! Тяжёлые, не боялись быть унесёнными во вражеские земли. Только у всех в деревне глаза болели. У отца один глаз плохо видел, потому что он много лет работал в полях даже в плохую погоду. Зато он подарил маме сетку из конского волоса, которую она надевала на лицо, — вот она и видела дальше всех. Ничего не утаишь!

— Если не соберёшь третью грядку, то за два дня уро-

⁹ Религиозно-просветительское и учебное заведение второй ступени (после начальной школы).

жай сгниёт. Кончики листьев уже бледнеют, — говорила она, сидя в своём любимом плетёном кресле. Неторопливо качаясь и поглаживая живот, мама выглядела как самая красивая женщина в мире. Но эти её грядки!

— Устала. Жарища же. Пусть Дениз тоже собирает. Чего только меня одну кусают? — я сидела на корточках и слушала размеренный скрип, ковыряя пятку: мелкие камушки вросли в кожу и мешали играть в догонялки с братом.

— Возьми тряпочку, намочи её и положи себе на голову. Не ужаришься, — она потрепала меня по голове, снова запутавшись в разросшихся кудрях. Я поморщилась. — Прости, овечка моя. Маме сегодня нехорошо... Знаешь что? Походи с братом, да погляди, чего к нам опять занесло.

— В прошлый раз попалась лента, помнишь? Красивая, а блестела как серебро! Лучше бы папа её не продал, а оставил мне в приданое.

Мама звонко рассмеялась, и я не смогла сдержать улыбку. Когда родители смеялись, можно было не бояться и сотни бурь. Да что там бурь! В голодной зиме оказаться нестрашно.

— Уже замуж собралась? За кого? — лукаво спросила мама. — Устроим смотрины.

— Ма, за любого, у кого есть верблюд или мул. Папа говорит, что скотина во дворе не даст пропасть. Мне уже пятнадцать! Когда вы выдадите меня замуж?

— Скоро, дочка, потерпи. Отец старается. Такую красавицу нельзя за первого встречного, поняла? Тебе досталась

моя светлая кожа и любопытство, а от папы — пшеничные кудри и упрямство. Не торопись...

Мама странная. Утром ругала отца, чтобы он торопился и собирал приданое, ведь я с каждым закатом не молодею; но сейчас смотрела на меня с тоской и лаской одновременно, убеждая, что замужество может подождать. А холода подождут? Урчащий живот? Кашель с капельками крови, которые она прятала ото всех? Мой долг перед семьёй — постараться сделать их старость спокойной, в тепле и уюте, за столом, на котором достаточно еды, чтобы никто не играл в «вытянешь короткую палочку — сегодня не ешь», особенно папа! Он чаще всех побеждал.

Чмокнув маму в тугий живот, я прижалась щекой к моему будущему братику или сестричке:

— Выходи поскорее. Я хорошо собираю капусту, а Дениз сам таскает воду. Нам нужна третья пара рук на чистку и посев. Чур, не отлынивать!

В наших краях мало что росло: воздух сухой, от него губы трескались, если жиром не помазать, ночи зябкие, а дожди — нечастые гости. Если и показывались, то мимоходом. Мы с семьёй выращивали капусту-желтуху с крепкими корнями. Кочаны вырастали размером с голову, обрастая узкой «юбкой», которую аккуратно срезали — она горчила. Всё было из капусты! Супы, каши, тушёная капуста, жареная, варёная, маринованная, напичканная капустой капуста, капуста с сахаром, капустный сок, даже на раны эти бледно-жёлтые ли-

сты прикладывали, а отец и вовсе эту капусту курить мог. Хорошие кочаны несли на продажу, а самые кривые и жухлые съедали сами. Их корнями питались земляные тушканчики, так и норовившие пробраться под грядку. Приходилось отбиваться!

Смотря на свои искусанные руки, я вышла на тропинку, затем помахала соседской больной несущке, которой оставалось жить от силы два дня, и крикнула:

— Дениз! Ты где? Пойдём поищем потеряшки! Вылезай!

Деревня у нас небольшая, домов немного осталось. Каждый знал друг друга, но с нашей семьёй общались неохотно. Думаю, это из-за скверного поведения брата. Ему уже десять лет, но он больше напоминал лысянку-переростка, нежели будущего воина. Постоянно убегал гулять, дурачился, выплёвывал капусту, если попадалась с горчинкой, а с недавних пор повадился всех нас щипать. Дурачок.

— Ага, вот и ты!

Дениз прятался в норе неподалёку от дома. Я увидела, как он пытался пролезть глубже, барахтаясь ножками. Схватив его за лодыжки, послышалось: «Ой!»

— Строишь себе новый дом? — я отряхнула руки от грязи. — Из чего ты сделал эту горку? Песок и...

— Украл немного навоза, размочил водой и смешал! Гляди, какой окоп! — Дениз выглядел как обычно: взлохмаченный, весь испачкавшийся. Вместо шлема на голове красовался шлем из капустных листьев, связанных верёвкой. До-

вольный своей работой, он широко улыбался, а я вновь пересчитывала его веснушки. Прибавилось.

— Окоп? Зачем?

— От налётчиков. Нужно всегда быть готовым к приходу врага. Я и оружие добыл! Крепкий прутик. Потом покажу, я его уже спрятал.

— К нам никто не придёт, дурачок. Кому нужны три ка- леки в двух домах? На Пер-Вилон часто нападают, у нас без- опасно.

Неугомонный брат деловито сложил руки и несогласно покачал головой:

— Все паразиты голодные и ненасытные. Сама посуди, — он взял мои искусанные руки в свои тонкие ладошки и при- смотрелся. — Разграбят там, тут... Ты становишься взрос- лой и красивой. Захотят украсть, — Дениз оторвал шматок капусты и приложил к моим пальцам на правой руке — они больше всех пострадали. Я поморщилась от жжения, когда он затянул капустную заплатку тонкой ниткой, вырванной из края штанины. — Будем наготове, сестра.

Не будь он обмазан в бараньих кашках, я бы его обняла.

— Как скажете, адмирал Дениз, Жалящий Прут и Защит- ник границы, — я наигранно, но с уважением, поклонилась брату, и он горделиво выпрямился, сцепив руки за спиной. — Не желаете ли выйти на поиск потеряшек, что принёс недавний ураган?

— Веди!

Мы направились в овраг — так в деревне называли глубокую низину, куда ветер во время бурь сбрасывал всё, что успел подхватить на своём пути. Песок здесь, усыпанный обломками сухих ветвей, клочками выцветшей шерсти и всяким хламом, казался нам с братом россыпью сокровищ.

Дениз первым бросился в кучу мусора, ловко вороша серые тряпки.

— Гляди! — он выудил из песка полотняную рубаху. Грубую, с широкими рукавами, но почти целую, если не считать пятна на плече. — Отцу будет в чём пойти на базар. Старая совсем прохудилась, мама уже трижды латала её.

Я кивнула, сложив находку в корзину, сплетённую вместе с мамой. Среди песка валялись обрывки пожелтевшего пергамента, исписанного неровными строчками, нечитаемыми. Рядом я нашла несколько тряпичных кукол с лицами, нарисованные углём: пустые глазницы и кривые линии рта выглядели жутко, будто игрушки видели нечто страшное, прежде чем ветер унёс их от прежних хозяек.

— Что же вы видели, раз так изумились? — усмехнувшись, я брезгливо отбросила их в сторону.

— О, смотри! — Дениз вдруг выпрямился, разворачивая в руках почти необъятную простыню.

Да это же чьи-то громадные шаровары! Из грубого льна, да такие широкие, что в одну штанину могли поместиться мы оба. Дениз натянул их до самых подмышек и запрыгал размахивая краями ткани, словно крыльями.

— Я великий адепт Шан-Ора! Сейчас взлечу до самого солнца и принесу маме золотую капусту! — он нелепо подпрыгивал, путаясь в лишней ткани, и я не выдержала, заливаясь смехом.

Мы немного подурачились, пока Дениз не сбросил «крылья» обратно в мусор.

Вдруг внимание привлёк небольшой мешок, туго стянутый кожаным шнурком. Он застрял между корнями засохшего кустарника. Я с трудом вытянула его и развязала узел. Внутри лежала книга!

Совсем тоненькая, в переплёте из выцветшей, обшарпанной по краям кожи. Я осторожно достала её, и Дениз тут же притих за моей спиной. Мы присели на горячий песок, положив находку на колени. Читать не умели. Пальцы просто скользили по шероховатым страницам, касаясь чёрных знаков, напоминавших застывших насекомых.

— Это про войну, — прошептал Дениз, указывая на крупный заголовок. — Здесь написано, как великие эмиры вели войска на верных пустынных рысях. Как они складывали горы из черепов врагов у врат замка, чтобы никто не смел перечить воле правителя. Героическая история!

— Или... — я мечтательно прищурилась, осторожно переворачивая страницу. — Сказки? Про магов, которые кидали огонь в небо. Про великую любовь принцессы и простого погонщика верблюдов, и как они тайно встречались в садах

Янтарного залива.

— Фу, противные. Только глупая принцесса будет встречаться с погонщиком.

Мы наклонились к книге одновременно и понюхали её. Старая кожа, пыль... Ни намёка на аромат её владельца.

— Вот бы знать, что там на самом деле, — вздохнул брат, и его плечи по-детски поникли. — Почему в школах учат только за монеты? И почему только мальчиков?

— Хороший вопрос, но не переживай. Ты научишься, Дениз. Обязательно научишься, — я протянула ему мизинец. — Клянусь. И когда ты станешь настоящим учёным мужем, я принесу тебе столько книг, сколько ты захочешь. И мы прочтём их все. Вместе.

Мы сцепились мизинцами, скрепляя уговор под тёплые улыбки. Дениз бережно спрятал книгу за пазуху своей рубашки, и в его глазах снова зажглись озорные искры, которые я так любила.

— Кто последний до дома, тот тушканчик! — выкрикнул он и бросился наутёк.

Я вскочила, отряхивая юбки, и побежала следом. Мои босые пятки обжигал песок, ветер бил в лицо, а впереди мелькала маленькая фигура брата.

— Догоняй, Ки! — кричал он, оборачиваясь на бегу. — Ки!

Его голос вдруг изменился. Крик утонул в хрипе.

— Киара!

Перед глазами всё вспыхнуло ослепительно-рыжим. Вечернее небо наполнилось густым чёрным дымом и пламенем, что трещало над моей макушкой. На лицо упало что-то тёплое. Кровь. Кап-кап. Кап-кап. Послышался оглушительный топот копыт и крики людей.

«Выдохни. Сейчас я в безопасности, и потолок не рухнет на голову, хотя от сильного хлопка я бы не отказалась».

Тишина. Только собственное дыхание, вырываясь из груди рваными толчками, разрывало треск восковой свечи, почти догоревшей под раннее утро. Спина взмокла, а пальцы до боли впились в край самого мягкого одеяла в моей жизни.

— Гнусные сны. Столько лет не снились, а сейчас... — раз уж ночь завершилась так скверно, я долго не думая, решила навестить Закарию-ага. Вчера он выглядел очень обеспокоенным и усталым, долго извинялся, потому что эмир отказался принимать гостей. Меня это ни капли не расстроило,

на тот момент мне хватало встреч и волнений.

Жуя яблоко, я плеснула себе водой на лицо, растирая глаза, пока они не покраснели. Затем закинула в рот эвкалиптовые листья, надела новый «кокон», — в этот раз светло-голубой. Перевязала ленты на затылке и вышла из покоев, столкнувшись со служанкой.

— Отведи меня к управителю.

Сегодня я равнодушно рассматривала узоры на полу, пытаясь ни о чём не думать. К иблису все эти ромбы, точки и россыпь завитков. Ничего не хотелось.

На улице даже нежно-розовая лента рассвета выглядела слишком тонкой и невзрачной, а аромат сада, куда я так хотела пойти в первый день, оказался чересчур приторным. Вспомнилось выражение: «Непогода внутри заслоняет чистое небо снаружи», а что хуже — мне вспомнился и человек, кто это говорил. Его сгребаящие объятья, хриплый смех и лучики в уголках глаз, куда его целовала моя самая прекрасная женщина в мире. Тогда я висела на её подоле, а позади ползал слюнявый непоседа, чьё имя значило...

— Мы пришли. Госпожа? — служанка не дождалась ответа. — Я предупрежу управителя о вашем приходе. Ожидайте, пожалуйста.

С поклоном она ушла, а я так и не подняла голову, замирая взглядом на сколе у одной плитки. Из тяжёлых, но бесформенных мыслей меня вытасило знакомое шипение. Та змея! Ползла себе спокойно, вновь касаясь ноги!

— Наглая гадючка, а ну, иди сюда!

Видя её безмятежные извивания, озорной язычок, который пробовал воздух, блеск жемчугов, где ничто не отражалось, кроме капли света, — я разозлилась. Почему никто не следил за дворцом? Вдруг эта змеюка кого-то укусит? Нельзя просто так сосуществовать с вредителями и верить, что они не нападут!

Одним выпадом на колени я накрыла её тяжёлым подолом, закутала в несколько слоёв как рулет, чтобы она не сбежала. Рукой нащупала основание головы, сжав его почти до хруста. Не укусит!

Не дождавись приглашения, я вошла в кабинет и с порога заявила:

— Назир-аль-Каср, во дворце опасные паразиты! Одну я поймала, но, думаю, их гораздо больше! Скорее дайте мне корзину или нож!

— Святой дракон! — Закария-ага среагировал мгновенно: вытащил иглу из пояса, которая казалась мне простым украшением, и наставил на меня. Тонкая изящная игла с завитой верхушкой, напоминающей крылья птицы, блеснула на свету. Боевой настрой. — Снова бешеные крысы? Хуже? Лысянки с бешенством? Рыси в прошлый раз сутками спать не могли, постоянно шипели.

— Змеи, Закария-ага, больные змеи! Зрачки необычные, белёдые!

— А?

— Я оставлю вас, — отчего-то усмехнулась служанка и ушла.

Серьёзный управитель молча спрятал иглу, согнулся пополам в странном приступе, зажал рот рукой и стал подрагивать, будто всхлипывая.

— Ох, да не расстраивайтесь! Я помогу вам с ними, всё равно заняться пока нечем.

— Госпожа Киара... Прекратите. Немедленно отпустите мою змею.

— В-вашу змею?! — не веря собственным ушам, я подошла ближе и заметила, как управитель... смеялся! Сдерживаясь из последних сил! — Вашу змею, прошу.

На его тонкие, но жилистые запястья упал мой, как я думала, трофей. Змейка всё так же мирно зыркала вперёд, охотно обвиваясь вокруг Закарии-ага и плавно забираясь к нему на шею. За послушание её вознаградили лёгким поглаживанием.

— Ручная гадючка... — не сдержалась я.

— У гадюк капюшоны, агрессия и яд, кстати, из которого делают потрясающую болеутоляющую мазь. Эта девочка — одна из наших посыльных. В серале и за его пределами письма, поручения, мелкие посылки доставляют такие, как она. Я покажу, — от невесомого касания пальца управителя змея приподнялась и широко раскрыла рот. На ладонь мужчины выпал свёрнутый комок пергамента. — Особая магия королевской династии. Это не настоящие змеи, так что не

пугайтесь. Вы часто будете их видеть.

Если приглядеться, то в змеиной чешуйке заметны крохотные вкрапления золотого песка. Поэтому она поблёскивала! Невероятно.

— Прелесть в том, что змея отдаст письмо только тому, кому оно предназначалось.

— А если захотят перехватить? У Джана, моего мужа, часто воровали почту. Думали, что нароют какие-то важные сведения... Ха...

— Тогда им придётся убить змейку. И если это случится, то весь королевский серпентарий об этом узнает, и мы быстро обнаружим врага. Гнездо мигом набросится на злодея, который посмел тронуть одну из красавиц.

Пока Закария-ага читал письмо, аккуратно развернув его на столе, я решила осмотреться. Хорошо, что он не стал дразниться и уличать меня в невежестве. В моей книге ни слова не говорилось про змеек, так что я невольно задумалась: сколько ещё предстоит узнать?

«Выдыхай, Ки, нужно отвлечься. Всё что угодно, лишь бы не оставаться одной».

Кабинет управителя больше напоминал склад забытых вещей, чем место, где можно спокойно заняться рабочими делами. Повсюду валялись груды писем, перемешанные без всякой сортировки; пергаментные свитки скатывались со стола, рискуя утонуть в корзинах с шерстью и одеялами, наваленными прямо до входа. На стенах висели пучки засу-

шенных трав и веники, которые давно не использовались по назначению. Аж паутиной покрылись. Окно, единственное спасение от духоты, почти полностью завалили сломанной мебелью: ножками стульев, треснувшими рамами и столешницами. Видимо, у Закарии-ага рука не поднималась выбросить то, что когда-то служило дворцу. Не думала, что он настолько сентиментален.

Аккуратно лавируя меж куч вещей, я заметила небольшую картинку в широкой раме. Тяжёлая.

— «Юные мужи играют», — прочитала я надпись, но герою этого сюжета не обнаружила, потому что их скрыли чьи-то царапины. Пожав плечами, я кинула бесполезную вещицу обратно: «Зачем хранить то, чем больше нельзя любоваться? Испорченная вещь не дарит наслаждение, а только разочарование. Не все люди — мастера, чтобы чинить, но все — горазды ломать».

Управитель вновь перечитал письмо, принесённое змеёй, и его лицо приобрело то же расстроенное выражение, что и вчера. Беззвучно вздохнув с тяжестью старика, он отложил пергамент и обратил взор на меня. Я почему-то забыла отвести взгляд. Закария-ага — самый красивый мужчина, которого я видела.

— Извините за беспорядок, госпожа Киара. Дела наваливаются быстрее, чем я успеваю их разгребать. Кстати, — он выудил из стопки бумаг плотный лист, — я изучил ваши документы.

Он прищурился, вглядываясь в мой нофуз, подаренный Джаном после свадьбы. За эту бумажку одни убивали, вторые сливались с койкой, третьи... ничего хорошего. Повезло, что мне великая благодать обошлась в один танец.

— Здесь указано, что вам тридцать три года. Странно. Голос у вас совсем молодой, я бы дал вам не больше двадцати.

Чувствуя, как потяжелели щёки, я не подала виду, как порой непросто нести ложь первее своего имени.

— Голос бывает обманчив, Закария-ага. Я просто не злоупотребляла веселящими соками и каждое утро полоскала горло медовой водой с травами.

— Возможно, — управитель отложил бумагу. — Но как представитель дворца, я обязан проверить вашу личность. Пожалуйста, снимите никаб. Мне нужно сопоставить ваш внешний вид с описанием в нофузе.

Время пришло. Я знала, что рано или поздно придётся играть убедительнее, чем обычно.

— Исключено, — ответила без тени страха. — Я нахожусь здесь без сопровождения мужа. Вера и приличия империи не дают мне права открывать лицо перед посторонним мужчиной. Хотя с вами мне комфортно.

Закария-ага не рассердился, а лишь мягко улыбнулся, кулаком подперев подбородок.

— Госпожа Киара, вам не стоит волноваться о своей чести в моём присутствии. Я заведую остатками гарема после того, как валиде хатун, мать эмира, изгнали из столицы.

Мои брови взметнулись вверх.

— Но как... как мужчина может быть замешан в делах гарема? Не понимаю. Если только...

Управитель поднялся из-за стола, и я вдруг впервые отметила: его движения были лишены той резкости, присущей воинам. Тогда, при встрече во дворе, и каждый раз, когда я видела Закарию-ага — я никогда не опасалась его косого взгляда или грубого маха. Он располагал к себе лёгким шагом, учтивыми манерами и доверительной улыбкой.

— Я евнух, — произнёс он спокойно, без тени стыда или неловкости. — Для вас я не мужчина в том смысле, который требует ношения никаба. Я — хранитель покоев. Когда-то я носил тюрбан с кисточками и берёг сон многих девушек.

Моё удивление сменилось внезапным облегчением. Я медленно развязала ленты на затылке: ткань соскользнула вниз, и я впервые за долгое время сделала полный вдох, чувствуя, что могу кому-то доверять в этом месте.

Закария-ага долго смотрел в упор, не выражая никаких эмоций. Рассматривал так же нежно, как и вёл себя на людях, лишь иногда задерживался на глазах и губах. Почти не смущал... только капельку. Интересно, я бы могла понравиться ему как женщина? Ещё он так вкусно пах...

— Так я и думал. Благодарю за доверие, госпожа. Можете не надевать его, пока мы здесь одни. Здесь душноовато. Позвольте вопрос? Как давно вы замужем?

Моя рука дрогнула и повалила несколько книг в кожаных

переплѣтах из стопки.

— А, эти учебники для адептов... — управитель задумчиво поправил перо за ухом. Обязательно спрошу у него, что это значит. Потом. — Их привезли для школы вчера вечером. Мне нужно их отсортировать по уровню сложности и темам, только вот отчёт... Вы знали, что в дворцовой кухне трудится тысяча поваров и помощников, которые готовят пищу шести тысячам человек ежедневно? Тридцать тысяч кур в год, двадцать тысяч овец и баранов, рассолы, сладости и шербеты потребляются в непомерных количествах. И всё надо учесть, посчитать и отчитаться. Не думайте, что я жалуясь, — он прищурился. — Ладно, я жалуясь. Солнце же не перестанет светить, если быть немного честнее, верно?

— У вас такая сложная работа. Позвольте помочь, — вызвалась я, желая уйти от темы своего замужества. — Справлюсь быстрее, чем на огонь отправят ещё одну овцу.

Сначала мне объяснили правила сортировки, затем я подошла к стопке с книгами. Работа спорилась: изучив тиснёные знаки на корешках, я быстро раскладывала их на три ровные кучки, не забывая проверять первые заглавия. Управитель наблюдал за мной с явным изумлением. Наверное, со стороны я походила на насекомое, что перебирало лапками в поиске лучшей росинки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.